

A521
100.

ПОЭТИЧЕСКИЙ
ПОЭТИЧЕСКИЙ
ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ
ПОЭТИЧЕСКИЙ

АЛТАЙ

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

М65С344

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

5806	15/11-68			

АЛТАИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ АЛТАЙ-
СКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

№ 1 (40) 1967

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

- СТИХИ, БАСНИ, САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ
- ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ
- АНКЕТА ПОЭТОВ АЛТАЯ
- В СТРАНЕ ГРАФОМАНИИ

Я люблю Алтай крепко. С каждым годом любовь моя растет, и не знаю, чем я возьму Алтаю ту радость и счастье, которым он меня наделяет каждый день, каждую минуту. Если б я был поэтом, я воспел бы его, я бесконечно стал бы прославлять его красоту и мощь.

Вячеслав Шишков

АЛТАЙСКИЙ ЭСКАДРОН

Даурия, Даурия —	Что умирать юнцами
Тропа за склоном — склон.	Им приходилось. Пусть.
Даурия, Даурия —	Зато не посрамили
Алтайский эскадрон.	Ни звание, ни честь.
Над падыми туманными	Зато на свете песня
Щемящий грай ворон.	Сынов Алтая есть.
Идет дорогой славы	Она на Халхин-Голе
Алтайский эскадрон.	Под гиканье и звон
Вполголоса над сопками	Водила в бой уверенно
В далекие края	Бесстрашный эскадрон.
Летела песня соколом,	В днепровских синих далях
До бужовки своя.	Дралась с врагом она,
С врагом в неравной схватке	С предсмертных губ стекала
Ребята полегли,	По гриве скакуна.
Но песню эскадронную	Но вновь взмывала в небо,
Потомки сберегли.	Удерживая стон.
В ней храп коней и цокот,	Даурия, Даурия —
И радость в ней, и грусть,	Алтайский эскадрон!

ЧАБАНЫ

Нет, ни ракеты, что к луне стартуют,
 Ни телескопов зоркие глаза —
 Меня сегодня чабаны волнуют,
 Мне хочется про них вам рассказать.
 У горных рек возьму напев былинный,
 Что так похож на перебор струны...
 Живет в горах на высоте орлиной
 Народ трудолюбивый — чабаны.

Над их жильем не планетарный полог,
А небеса с окалинами звезд,
Да месяца бутылочный осколок,
Да Млечный, словно над ущельем мост.
По вечерам на перевалах горных
Зовут костры и запах табака.
А там в долине, в омурах озерных,
Покоятся седые облака.
На берегу неторопливой речки
Какой-то всадник поит скакуна,
И капли звонко падают с уздечки,
Как будто бы они из чугуна.
Буланый конь лоснится телом сытым,
Прислушиваясь к вязкой тишине,
И осторожно трогает копытом
Качающийся месяц на волне.
А всадник, встав на стремя, как небыль,
Как богатырь, поднявшись в полный рост,
Шершавою ладошкой гладит небо
Да так, что искры сыпятся от звезд.
Но не всегда над ними небо в звездах
И в перезвонах солнечных лучей.
Бывает так, что полчаса на роздых
Не выкроишь за несколько ночей.
Осенний дождь, метельные базары,
Сквозные ветры бьют в лицо камчой,
И чабаны неделями с отарой
Да с этой непогодой шальной.
Они свою работу проклинаят
И неба отскакающий мазут,
Хоть наперед давно отлично знают,
Что никуда отсюда не уйдут.
Но завтра вновь заголубеют дали,
И чабаны по следу табуна
Пойдут вперед, и под копытной сталью
Разломится немая тишина.
Вот так живут в заботах мирных буден
У снежных голубеющих высот
Простые и приветливые люди...
А в общем-то не так простой народ.

Владимир БАРДЮКОВ

ПОХОРОНКА

Ни крика, ни тяжкого стона
Не слышал от мамы тогда.
В тот вечер рукой почтальона
В наш дом постучалась беда.

Слеза лишь скользнула украдкой
По строгим морщинам лица...
На детство холщовой заплаткой
Легла похоронка отца.

СПЕЦОВКИ

У нас спецовки, как спецовки,
Согласно росту и длине,
Она у нас не с плеч отцовских —
Отцов убили на войне.

Отцы в спецовках шли под пули
И умирали, жизнь любя...
Отцы, которые вернулись,
Еще не снял их с себя.

ИДУ В СТИХИ

Коплю огонь стихов по строчке,
Чтоб в нужный миг они зажглись.
В них все, от точки и до точки,
Отредактировала жизнь.

Пусть будет стих мой свеж и сочен
И, как рабочий, деловым.
Иду в стихи чернорабочим,
А стать хочу мастеровым.

МОСТ

Хребет моста под грузом гнется
И я помочь ему бы рад,
Но только он не пошатнется —
Опоры крепкие стоят.

Мне хлеб дается тоже в поте,
В горячих буднях бытия.
А мост — товарищ по работе,
Он тоже грузчик, как и я.

Еду-еду, а следу нету,
Вырастаю, а сладу нету.
И берет меня мама за руку.
И ведет меня мама за реку.
— Погляди, — говорит, — под ветер —
есть четыре начала у света.
— Вибирай, — говорит, — что полюбится,
и живи как хорошие люди-то.
А то ты
едешь-едешь, а следу нету,
вырастаешь, а сладу нету.
Не бери меня, мама, за руку.
Не веди меня, мама, за реку.
Я не буду смотреть под ветер,
а пойду я по белу свету.
Может статься,
что, где-то спрятанное,
отыщу я начало пятое.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Задремали густые ели.
Затаилась сова в дупле.
Ходит-бродит дурак Емеля
одинешенько по земле.
У притихшей лесной дороги,
у остывшей речной воды
не уймёт он своей тревоги,
не поймет он своей беды.

Оробело и удивленно
все зовет его дальний зов.
Заблудилась в лесах Алена,
прокатилась с лица слезой.
Спит осока у берега чутко.
Спит звезда в голубом пруду.
Ах, Алена, моя причуда,
я никак к тебе не дойду.

Полюбить тебя не умею.
Позабыть тебя не могу.
Я ослепну и онемею
и паду на цветном лугу.
Был дурак — для людей потеха.
Был Емеля — и нет его.

Ах, Алена, я стану эхом
зова дальнего твоего.
Задремали густые ели.
Полегла на траву роса.
Ходит-бродит дурак Емеля
одиноким эхом в лесах.

Снова я на тех тропинках,
по каким вела судьба.
Снова лето, как травинка,
остаётся на губах.
А дожди — цветные радуги.
А ветра кладут поклон.
Бог ты мой,
живи да радуйся,
что попал в такой полон!
Не ропщи на неученость,
не пиши плохих стихов,
провожай себе девчонок
вплоть до третьих петухов,
Только что-то мне тревожно,
И, конечно, неспроста

прохожу я осторожно
по своим родным местам.
Соглашаюсь:
все знакомо,
не во сне, а наяву.
И живу как будто дома,
но уже в гостях живу.
Но уже не так встречают,
разговор не так ведут.
Но уже на чашку чая
больше сахара кладут.
Я кусаю горький щавель,
сигареты не гашу.
Понимаю и прощаю
и прощения прошу.

ВЫСОТА

А мы жизни учились просто...
Там, где будни труднее в сто крат,
окунувшись с разбега в просо,
грохотал вдоль поселка тракт.
Здесь вторую неделю кряду
из-под наших опухших рук
поднимали на стройку краны
кирпичи, как бесценный груз.
И прораб в гимнастерке строгой,
с жаждой дел и скупой на слова,
прикипая работой к стройке,
нас высотниками называл.
И тогда, позабыв про сроки,
отвергая беду и нытье,
наши жизни, как первые стройки,
мы крепили бетонным литьем.
И на мышцах бугрился косо
догоревший дотла закат...
Наши будни не так-то просто
По строке записать в наряд.
Я вникал в ту работу простую,
и, душою не огрубев,
каждый день высоту атакуя,
выходил на передний рубеж.
Чтоб потом в каждом грубом
наброске
своей жизни, под сердца стук,
ощущать под собою неброскую
и устойчивую высоту.

ВЕТКА

В комнате моей темным-темно,
Не царапайся в мое окно.
Под беленым теплым потолком —
Будто под удушливым платком,
Ты пойми, что мне, наоборот,
Хочется под звездный небосвод.

МОЙ АВТОКРАН

И опять мы с тобой
И опять,
Нам с тобой смеяться,
Грустить,
Нам с тобой дважды два
Поднять
И четырежды — опустить.
Тяжесть труб долговязой
Связки
Входит в нас
Сумасшедшей ветрякой,
И уже не песня,
А плач

Стиснул зубья.
Ветром осенним
Воют все ветра
Во Вселенной,
Замирая, срываясь вскачь,
У редукторных' передач
Тросы гибкие
Перекосились,
Надрываясь гудят тормоза.
Отключись, если ты
Обессилел,
Только мне отключиться
Нельзя.

ДЯТЕЛ

Вы видели дятла,
лесную пичугу?
Пушистый комочек,
а стуку-то, стуку!
От звезд до рассвета,
с рассвета до ночи
по кедром, по соснам
пичуга грохочет.
Взмахнет топориком
веселая птаха,
и головы чудик —
на плаху, на плаху!
Они шевелятся
в таинственных недрах,
пьют соки из сердца

кряжистых кедров,
смолистые кольца,
шурша, пожирают.
И слушают звери —
стволы умирают.
И шум не стихает
ни на день, ни на ночь.
Столетние юноши
падают навзничь...
Но маленький рыцарь
не ведает страха.
Летает по свету
веселая птаха.
— Тук-так! — голова
покатилась на плаху!

СНЕГ

Что ж ты наделал,
Смешной старик —
Седую бороду
Совсем острив,
На все деревни
И города
Летит веселая борода.
Седеют деревья,
Дома и дворы.
Поднялся народ
На него в топоры.

А он себе знай хохочет,
Униматься не хочет.
Клен усы налепил —
И рад.
Собирается на маскарад
По снежку да по морозу.
Берегитесь, березы!
Снег, снег,
Вот это снег!
Девушка идет, как во сне,
Ничего не слышит, не видит.

Как во сне,
Как на первое свиданье.
И никто ее не обидит,
И никто не обманет.
Снег — в глаза,
За воротник!

Я совсем от него отвык
Из-за этих стихов,
Из-за этих книг.
Не жалею бороды, старик!
Вот это снег!

ПРЯХА ВЕЧНОСТИ

Сижу в тепле на мягком ложе.
В окно нагие ветки бьют.
Их ветер гнет, их ветер гложет,
они туда-сюда снуют!
Последний лист — он весь исхлестан —
ведет своим минутам счет.
И тоже, рано или поздно,
он ветру в ноги упадет.
Как плетью, парк исполосован.
Леса молчат. Луга молчат.
Долина спит, и ни полслова
не слышится из уст ручья.
И только время неизменно
хозяйкой — пряхой у дверей,
оно прядет и тклет бессменно
полотна вечности своей.

ЖАВОРОНОК

Над почерневшим полем гонит ветер
лохмотья туч, в которых град и снег.
Но из прорех лохмотьев солнце светит
и жаворонок гимн поет весне.
Вот так и сердце: горе забывая,
среди черных туч, как будто в полусне,
сквозь град и снег неожиданно запевает,
как жаворонок, песню о весне.

Перевод с немецкого ЮРИЯ ГРУНИНА

ГОЛУБИЗНА

Земля в росе.
Рассвета еще нет.
Я полусонный вылез из палатки,
Хотя вчера устали мы порядком,
я чутко спал, чтоб не проспять рассвет.
И вдруг услышал — все пришло в движенье.
И солнце шло с землею на сближенье.
И пил росу в кедровнике росток.
Он был похож на хрупкого ребенка.
Высоких гор вдали видна гребенка.
Вот-вот — и пламя обожжет восток.

Наша анкета

**Таковую анкету
редколлегия альманаха
предложила группе поэтов**

1. Что вы считаете главной задачей поэзии?

Какую тему считаете главной для себя?

2. Над чем сейчас работаете?

3. Кого из поэтов считаете своими учителями?

Чем они вас привлекают?

4. Какое произведение поэзии пос-

ледних лет кажется вам наиболее значительным?

5. Как вы относитесь к встречам с читателями? Какие встречи, какие аудитории принесли вам наибольшее удовлетворение?

6. Какие рифмы и ритмы будут предпочитать поэты и кибернетические машины XXI века?

Голубизна, как мудрая синь-птица,
перечеркнула и ручьи и лица.
Стволы деревьев в тишине стройны.
И все здесь одинаково равны.
Здесь нет границы между днем и ночью —
какой-то промежуток тишины.
Ночь не ушла, а день идти не хочет.
И женщины досматривают сны.
Голубизна.
И не поднять ресниц.
Голубизна шагает без границ.
Пусть люди спят.
Зачем лишать их сна?
Пусть будет над землей голубизна!

***

Ну и что же, что дождь и слякоть.
Ведь октябрь уже. Дожди.
Не пришла ты. Не буду плакать.
Раз не хочешь, не приходи.

Фридрих Больгер

1. Наша поэзия должна способствовать воспитанию и формированию нового человека. В этом, на мой взгляд, ее главная задача. Но делает она это не прямолинейно. Истинный поэт преподносит читателю окружающий мир сквозь призму собственной души, собственного мышления, в общедоступных, но единственно правильных словах и красках, философски осмысленных образах, так, чтобы читатель что-то новое открыл для себя, что-то понял по-новому, зажегся жаром души поэта, увлекся его мыслями. Достичь этого может поэт лишь тогда, когда он сам стоит на твердых позициях, когда он живет жизнью и интересами своего народа.

Главная тема для меня — человек со всеми его радостями и страданиями, успехами и неудачами, человек, побеждающий природу, строящий будущее для себя и своих потомков.

2. Я тяготею к малым жанрам. В основном, пишу небольшие стихи — раздумья про жизнь, мой народ, мою страну. Начаты, но не закончены и несколько вещей более объемных.

И потом не задам вопроса.
Может быть, на свою беду
закурю с тоски папиросу,
соберусь и к другой пойду.
Дверь откроет она и глянет
на меня. И спросит: — Промок?
Заходи. — И руку протянет,
и неловко подставит висок.
Хорошо с ней. Легко и просто.
Все без выдумки, все, как есть.
Только горько мне. Очень остро
Я потерю чувствую здесь.
Что потеряно, я не знаю.
Но не найдено ничего.
И какая-то боль сквозная
вдруг пронзает меня всего.
Я курю и сижу ссутулясь,
и во мне отчего-то дрожь...
Мимо черных домов и улиц
ты одна под дождем идешь.

---

3. Когда я впервые пробовал писать стихи — это было лет 35 тому назад — меня особенно вдохновляли Гейне и Байрон. Позднее я нередко до спазм сердечных зачитывался стихами Есенина. Но я очень люблю и Я. Смелякова, И. Бехера, А. Маркова, А. Твардовского, С. Маршака и многих других, преклоняюсь и перед молодыми талантами. Чему-то научиться можно и у хороших, и у плохих поэтов. Привлекает меня высокое мастерство поэтического произведения, музыкальность его, искренность чувств автора, глубина его мыслей, культура и образность языка. Конечно, я считаю, что поэзия — не ремесло, и невыношенное стихотворение так же недолговечно, как недоношенный ребенок.

4. На этот вопрос мне трудно ответить. По ряду причин я не в состоянии следить за всеми новинками поэзии и охватить литературную жизнь страны во всем ее многообразии. Новые публикации до меня обычно доходят через год. С большим наслаждением читал Я. Смелякова «Милые красавицы России». А вообще-то порой бывает так, что небольшое по размеру стихотворение, помещенное в периодической печати, больше вызывает трепета душевного, нежели увесистый том вычурной халтуры.

5. Вспречи с читателями — проверка для поэта. Как полезная встреча вспоминает-

* * *

Снега, снега.
Опять кругом снега.
И на руках метель тебя качает.
Здесь край земли.
Здесь черт, его рога.
И снег летит, как стая белых чаек.
Здесь на два метра не видать ни зги.
Наотмашь ветер бьет тебя, как молот.
Застыли и не гнутся сапоги.
И обжигает душу лютый холод.

* * *

Я валюсь на кровать от усталости.
Ветер крышей грохочет
и несется трубя.
Не хватает мне маленькой малости —
не хватает тебя.

ся выступление в Барнаульском пединституте. Около четырехсот студентов собрались, чтобы послушать стихи. И по их внимательным лицам я понял, что выступление было не напрасным. Совсем недавно я выступил со стихами перед колхозниками с. Ананьевка Кулундинского района. Я знал, что люди в этом селе говорят исключительно на нижненемецком наречии, и опасался, что литературного языка они не поймут, тем более языка поэзии. Но когда я кончил читать и на сцену поднялись люди, чтобы тепло пожать мне руку, я был удовлетворен.

6. В поэзию кибернетических машин не верю. Это не поэзия. Машина может рифмовать слова, но она не может создавать стихи. Машина может «мыслить», но она не может чувствовать, а без чувств стихотворение — бумажный цветок. И в XXI веке и во все века будут преобладать рифмы и ритмы, которые наилучшим образом соответствуют ритмам жизни на земле. Как бы ни кривлялись некоторые поэты, сколько бы ни наломали дров в так называемом поиске новых форм, поэзия всегда будет возвращаться к ритму, подсказанному сердцем. А сердце и в атомный век стучит привычным ритмом. Форму поэтического произведения не ищут сознательно, она рождается из того материала, который поэт вынашивает в себе.

Все хорошее сбудется, а плохое не помнится.
Мне услышать бы горлинку, что воркует, любя.
Но в квартире пустынно,
почти как на полюсе —
не хватает тебя.
Встать, собрать свое мужество, сесть за работу,
как когда-то других, себя торопя.
Но подняться нет сил. И тоска отчего-то.
Боже мой, до чего
не хватает тебя!
Достаю папиросы и курю торопливо.
Сизый дым закачался и поднялся клубясь.
Будь сто тысяч открытий,
я не буду счастливым —
не хватает тебя.
Ты всегда говорила: «Чепуха, позабудется.
Время шумно пройдет, все, как стекла, дробя».
Пожелай мне хорошего, пусть это сбудется.
Но я все же скажу:
— Не хватает тебя.

Геннадий Володин

1. Главная задача поэзии — не оставлять читателя бесстрастным.
Главная моя тема — я и окружающее.
2. Работаю над собой и новыми стихами.
3. Учителями считаю Василия Федорова и Александра Твардовского. Они привлекают меня своей классической простотой и образностью (особенно Федоров).
4. Лучшими произведениями последних лет считаю поэмы Вас. Федорова и поэму Бор. Ручьева «Любава».
5. К встречам с читателями отношусь положительно. Удовлетворение принесла встреча с первоклассниками школы № 166.
6. По-моему, никаких ритмов не будет и рифм тоже.

***

Кому досталась ты?
Плешивому.
Все по иронии судьбы.
Ты письма нежные пиши ему,
а то он встанет на дыбы.
А мальчики, такие чистые,
готовы были, все стерпя,

пройти сквозь ад,
достичь невыслого,
лишь быть бы около тебя.
Теперь вот вздрагивай плечами,
ищи тиши, ищи глуши.
Ломай себя, реви ногами,
что хочешь делай, а пиши.

***

Он, усталый,
сидел на камне
Рядом с женщиной у костра,
Тяжело обхватив руками
рукоятку топора.
Стыла ночь.
Были звезды крупными.
Взгляд у женщины тих и мил.
А кругом их звуками трубными
Отзывался враждебный мир.

Станислав Вторушин

1. Будить в людях добрые чувства. Второстепенных тем нет, все главные.
2. Над книжкой стихов «Перегрузки», которая вот-вот появится на прилавках магазинов.
3. Пушкина. У него всегда учишься. Каждую его вещь можно читать двадцать раз и всякий раз открывать в ней что-то новое.
4. Цикл стихов Е. Евтушенко «Северный дневник».
5. В общем, положительно. Наибольшее удовлетворение получил от первого дня поэзии в Алтайском политехническом институте. К сожалению, второй был бледнее.
6. Кибернетические машины будут предпочитать мужские рифмы — они ведь не могут любить. В интимной лирике поэта не заменит никто. Поэтому поэты будут пользоваться женскими рифмами.

Цепenea от страха, жалась
робко женщина та к нему.
Первый раз ощутил он жалость
к слабым, к ближнему своему.
Первый раз стало сердцу тесно.
Он не мог овладеть собой.
И тоскливо вырвалась песня,
словно страх их
перед судьбой.
Звуки ближе.
А круг их уже все.
А над самым костром — звезда.
От земного дикого ужаса
ей хотелось сбежать туда.
Им, боявшимся шума сосен,
было это не по плечу...
Не от страха, от силы собственной
я с земли своей улечу.
Но в пространстве, где звезды редкие,
Как в степи ночной огоньки,
будут сниться мне песни предков,
сосны, женщины у реки.

Дмитрий Гоосен

1. Главная задача поэзии — «кровью чувств ласкать чужие души». Холодное философствование так называемых интеллектуалов не может по-настоящему захватить читателя, оно преходяще. В стихах человечество накапливает не материальный опыт, не философский, а прежде всего опыт сердца. Впрочем, противопоставлять поэзию чувств и поэзию мыслей не стоит. Будущее — за синтезом этих двух течений. Интересно отметить, что самые удачные стихи Л. Мартынова — те, в создании которых участвовало сердце поэта («Поэма о прохожем», «Душа беспокоится...», «Свобода», «Геркулес» и многие другие), а те, что были продиктованы одним рассудком («Девушки — шахточки, девушки — домночки...», «Воды», «Солнце» и другие), не удерживаются в памяти, быстро забываются, хотя и совершенны по форме.

Главной для себя считаю тему «очеловечивания» человека, «человек среди людей». Как и Л. Мерзлякин, «я хочу, чтоб люди полюдели» и добиваюсь этого средствами сатиры и юмора.

2. Сейчас работаю над короткими юмористическими и сатирическими вещами.

Волны бьют неторопливо,
 волны в берег бьют.
 По Оби нетерпеливо
 катера плывут.
 Ветер брызгами, как дробью,
 выстрелит в причал.
 Над водой, над самой Обью
 лебеди кричат.

И за ними торопливо
 из последних сил
 тащит баржу по заливу
 тощенький буксир.
 От мазута чернокожий,
 Он знавал и дым, и чад...
 Почему ж его тревожит,
 Если лебеди кричат?

---

3. По несколько лет я находился под обаянием В. Маяковского, потом С. Есенина и А. Блока, затем Л. Мартынова и В. Луговского. Мои басни не появились бы на свет, если бы не учеба у И. А. Крылова, С. Смирнова, Кривина.

4. Наиболее значительными мне кажутся поэма Е. Евтушенко «Братская ГЭС», поэма А. Твардовского «Теркин на том свете», лирические стихи Р. Гамзатова, И. Фонякова, Р. Солнцева, Е. Винокурова, К. Ваншенкина, А. Твардовского.

5. Если в аудитории есть хотя бы один настоящий ценитель поэзии, выступление перед ней полезно. Мне приятно вспомнить недавний вечер в нашей средней школе, на котором А. Лашкевич, П. Маштаков и я встретились со старшеклассниками. Нам, кажется, удалось найти общий язык со слушателями, а это большое счастье.

6. Поэты XXI века будут чаще современных обращаться к белому стиху. Они не будут стремиться блеснуть рифмой, потому что ее возможности уже сейчас почти исчерпаны, как правильно пишет В. Шкловский, эмоциям, переживаниям в стихах придется потесниться, уступить место мыслям и размышлениям, а они требуют спокойного ритма. Так что ритмика стихов, на мой взгляд, мало изменится. Поэты будут пользоваться всем арсеналом поэтической техники, накопленным за XIX и XX века. Что касается «пристрастий» и «вкусов» кибернетических машин, то они меня мало интересуют.

ПОЗДНИЙ ДОЖДЬ

Сирень погибла.
Отцвела.
Молчат сухие ветки...
О, как она дождя ждала!
Хоть горсть
Дождинок редких.
Ждала и в день,
И в ночь ждала,
И в праздники,
И в будни...
Как никого никто

Ждала.
Упрямо,
Долго,
Трудно.
Устала ждать и все равно
Ждала,
Палима жаждой...
А дождь
Маячил стороной,
Насмешливый и важный.

Владимир Казаков

1. Быть честной и мужественной. А это значит — гражданственной. Пусть не покажется громким: для меня была, есть и будет самой главной темой — Россия. Со всеми ее противоречиями, радостями и тревогами.
2. Деревня, сегодняшнее положение в мире человека — вот основная мысль нового сборника, над которым сейчас я работаю.
3. Лермонтов и Некрасов, Пастернак и Борис Слуцкий, Евтушенко и Александр Межиров. Привлекают они меня прежде всего строгостью и четкостью стиха и высокой гражданственностью.
4. Трудно сказать, ибо произведения нынешних поэтов рождаются и создаются на глазах, не в буквальном, конечно, смысле. Необходим какой-то промежуток времени, чтобы суметь по-настоящему оценить то или другое произведение. Тем не менее, считаю наиболее значительными «Антимиры» А. Вознесенского, последнюю книгу Е. Евту-

И вдруг,
Тревогу расплескав,
Рванулся к ней.
Но жутко,
Как ружьи,
Ветки из песка
Морщинисты и жухлы
Застыли в яростной мольбе,
В отчаянном молчанье...
...А ты,
А ты в моей судьбе
Не поздний дождь, случайно?

шенко «Катер связи». Судя по публикациям в журналах и газетах, обещает стать одной из лучших книг «День России» Я. Смелякова.

5. Сдержанно. За редким исключением, эти встречи превращаются в фарс, игру на публику.

6. О бессмертии не задумываюсь. Боюсь, что все повторится сначала.

Н. Лоткин

1. Главная задача поэзии — открывать человеку мир доброго и прекрасного, вести человека к вершине духовного совершенства, будить в человеке чувства высокой гражданственности и долга.

Для меня любая тема «главная», если она несет в себе что-то хорошее, полезное, человеческое.

2. Как всегда, работаю над детскими стихами. Тематика стихов самая разнообразная.

***

Дорогие люди — человеки,
Вы — как реки,
  вы совсем — как реки:
То у плесов —
  ласковые заводи,
То бурун —
  не предусмотрись загодя.
Люди, люди,
  люди—человеки,
Вы — такие ж странные,
  как реки:

---

3. Для меня образцом поэтического мастерства являются стихи К. Чуковского, С. Маршака, С. Михалкова. Творчество Корнея Чуковского примечательно завидным знанием и пониманием детской души, а Маршак и Михалков поражают редкостной способностью предельно просто и конкретно рассказать в стихах детям о сложных жизненных ситуациях и даже о классовых противоречиях, что, казалось бы, выходит за рамки детского понимания.

4. Назвать что-либо определенное затрудняюсь. Много встречается по-настоящему талантливых стихов, но больших, отличающихся значительностью, поэтических произведений за последние 2—3 года я не читал.

5. Мне чаще всего приходится встречаться с маленькими читателями. На этих встречах не бывает жарких диспутов, но если детские лица выражают радость и понимание, а не скуку и равнодушие, значит, цель встречи достигнута, поэт удовлетворен.

6. Я сомневаюсь, что за несколько десятилетий рифмы и ритмы стихов претерпят сильные изменения.

Рвет стремнина
камни и коренья
И вперед
торопится скорее,
А однажды, выйдя
на равнину,
Обрастает
травами и тиной...
Но никто
не разгадает загады —
Что сильней:
стремнины,
или заводи.

СЛОВА

Не верьте обтекаемым
словам.
Не вздумайте
просить у них совета.

Возможно, стихи станут более разнообразными по ритмике и менее стесненными классическими стихотворными размерами. А что касается кибернетических машин, то они и в XXI веке останутся послушными воле программистов.

Леонид Мерзликин

1. Быть ближе к жизни.
Анализ противоречий — главная моя тема.
2. Стихи. Поэмы.
3. Пушкин, Лермонтов, Есенин, Кедрин. Все они работали в классической форме стиха, и каждый находил что-то новое.
4. «Теркин на том свете».
5. Положительно.

У этих слов
                        непрочные права,
Им не дано
Ни запаха,
Ни цвета.
Уж если слово —
                        пусть ведет на бой.
Уж если слово —
                        пусть оно ласкает.
И,
                        как вселенский
                        воздух голубой,
Пусть никогда
                        оно
                        не иссякает...
Лишь у таких —
                        особые права
Быть двигателем
                        вечного движенья.
Не верьте обтекаемым словам.
Уничтожайте их
                        без сожаленья!

Люблю студенческую аудиторию.

6. Рифмы и ритмы останутся в пределах языка и мелодии. Человек будет выше машины.

Геннадий Панов

1. Доходить до человеческого сердца, побуждая его любить или ненавидеть, смеяться или плакать.

2. Пишу стихи. Какие? Поживем — увидим.

3. М. Лермонтова и А. Фета, С. Есенина и Павла Васильева.

Лермонтова за «железный стих, облитый горечью и злостью», Фета — за необыкновенную лирическую дерзость, а Есенина и Васильева люблю за буйный, поистине русский размах строки и мысли.

4. «Братская ГЭС» и «Северный цикл» Евг. Евтушенко и «Антимиры» А. Вознесенского. Эти вещи заставляют думать. А это — главное!

Василий ВОЗНЕСЕНСКИЙ

НОЧНЫЕ ВОКЗАЛЫ

Когда гаснет
Последний оттенок зари
И со всеми прощается день,
Когда робко
  в задумчивом небе парит
Над домами вечерняя тень,
В городах по проспектам
Идет тишина,
Молча бродит у пестрых витрин.
Города отдыхают

---

5. Больше всего люблю студенческие аудитории.
6. Может быть, машины и скибернетят что-то, а поэтов будет тянуть все больше к Пушкину и Лермонтову.

Анатолий Прохоров

1. Пробуждать чувства добрые.
2. Над поэмой о Чернодольско-Славгородском восстании.
3. Эдуарда Багрицкого. Сочностью образов, упругостью ритмов, умением несколькими словами создавать почти осязаемые картины.
4. «Теркин на том свете» А. Твардовского.
5. Никак, точнее: почти никак. Встречи с читателями (в том смысле, как задан вопрос) мало что дают поэту, надо жить среди читателей.
6. Те же, что и во времена Пушкина. А кибернетические машины не должны писать стихи, ибо поэзия и бездушность машины несовместимы. Версификаторов же и так более чем достаточно.

В объятиях сна
От назойливой песни машин.
Лишь вокзалы не спят
В хороводах огней,
В хриплом эхе
    прощальных гудков,
Лишь для них не бывает
Спокойных ночей,
Не бывает мечтательных снов.
И чуть дремлют перроны
Под искрами звезд,
Им давно уж знаком этот стук,
Эта грустная песня
    железных колес
О жестоком упрямстве разлук.

Николай Черкасов

1. «Глаголом жечь сердца людей». Социальную, хотя на эту тему я написал ничтожно мало.
2. Над новой книжкой.
3. Пушкина, Маяковского, Есенина в первую очередь.
4. «За далью даль» А. Твардовского.
5. ?! Бывало, что аудитория в 2 человека удовлетворяла больше, чем в 200 человек.
6. Более парадоксальной аналогии не представляю, но предпочитаю самую бездарную машину самому талантливому графоману.

Геннадий ВОЛОДИН

* * *

Хлопья хрусткого снега виснут
На прозябшие
Сонные ветви.
А деревьям все снятся листья...
Так родителям снятся дети.

В ЭТО ЛЕТО

В это лето почему-то спозаранку
Отцветают, осыпаются саранки.
В это лето почему-то и цикорий
Засыхает на предплечинах нагорий.

Марк Юдалевич

1. Не переходить на прозу.
Раздумья над происходящим.
2. Пишу стихи.
3. Л. Мартынова.
4. С наибольшим увлечением читал романы М. Булгакова. Правда, они написаны в прозе и не в последние годы.
5. Положительно, если имею рассказать что-нибудь новое.
Которые не состоялись.
6. Поживем — увидим.

В это лето, почему-то в это лето
Ни заката я не вижу, ни рассвета.
Ни рассвета я не вижу, ни заката,
И одна ты только в этом виновата...

***

Снег умирал. Печально расцветали
Над ним созвездья — яркие цветы.
Снег умирал от жгучих ран-проталин,
Боясь людей и даже темноты.
А мир кишел драчливыми грачами.
Летело на поживу воронье.
Снег умирал. Он слезы лил ручьями
И проклинал бескрылье свое.

КРАСНЫЙ ВСАДНИК

Над далекой лобастой солкой
Наливался закат красным соком.
И к нему желтым вечером как-то
Красный всадник промчался по тракту.
В пекло самое, в самое пламя
Он умчался, не узнанный нами.
Кто он — всадник?
Откуда он — смелый?
...Это чья-то юность сгорела.
Кто-то жизнью промчал, а не трактом.
Кто-то огненно жил.
Вот так-то...

ПАДЕНИЕ ИДОЛА

Говорят, что он кричал истошно,
На округу трепет наводя,
Сделанный умельцами дотошными
Идол из гранита — бог дождя.

В небо руку взявший средь урема,
Он стоял — верзила из верзил —
Бесконечно длинно и угрюмо
Небу пальцем каменным грозил.
И когда дожди нещадно лили,
Раздвигая поймище реки,
Толпами со всех сторон валили
К идолу на мольбы остяки.
Люди шли от страха чуть живые,
Веря в этот камень-божество.
Годы, словно капли дождевые,
Из-под век катились у него.
Крупноплечий и раскосоглазый,
На земле стоял он тяжело.
С губ его надменно безобразных
Много крови жертвенной стекло.
Но ему все мало, мало, мало...
Было крови в осень и в весну.
Но однажды молния упала,
Камень тяжковесный пошатнув.
Голова слетела, как папаха,
Брызнули осколки у земли.
И смотрели остяки со страхом:
Бог валялся в прахе и в пыли.

* * *

Луны мерцающее блюдо
Одело шлемы старым пням.
В любви России не клянутся,
Как не клянутся матерям...

РОДНЫМ

Мы рвемся вверх, подальше от земли,
Которую мы любим и лелеем.
Все выше, выше, и уже вдали
Мы звездочками маленькими тлеем.
Слова мы слышим наших добрых мам:
— Летайте, мальчики, пониже и потише!
Другое говорили б, знать бы вам,
Что самое опасное — у крыши.
Простите, мамы, что полеты стрел
Приносят вам морщинки и седины...
Идем дорогой ваших добрых дел,
В завещанные дедами глубины.
Полет машины в алостях огня
С орлиным не сравню. Не вижу сходства.
Родные мамы, ваши сыновья —
Поэты и солдаты
благородства!

* * *

Когда просыпаются дворники —
засыпают влюбленные,
Может, не все полуночники, но веки смежит большинство,
И тогда в их сны запоздалые,
предутренние,
светло-зеленые
Входит под звуки арфы
зримое волшебство.
Снятся им их Наташки, Светланки
и Ленки-Елочки,
Не перечесть имен их,
как в поле российском цветы,
Подходят к ним девочки смело — стучат каблучки-иглочки,
Склоняются нежные,
хрупкие
над ними из темноты.
Глаза, что были вечером
и загадочными и лукавыми,
Сейчас излучают мягкое
волнующее тепло...
И руки их,
руки гибкие
играют кудрями-травами,
И губы полуоткрытые
пьянят сильнее,
чем вино...
И даже самые робкие во сне становятся смелыми,
Рвут корневища-путы
и рвутся на слабый звук.
Через болота топкие,
через леса горелые
Они на руках выносят
к ним прильнувших подруг.
...Тише,
прошу вас,
моющих
дворы и проходы газонные,

Помните,
вы,
артистически
вздымающие шланга лассо:
Когда просыпаются дворники —
засыпают влюбленные,
В снах их светло-зеленых —
зримое волшебство.

* * *

Уж так повезло!
Кроме близких
товарищей,
Летает
под звездами тусклыми
брат.
Становится страшно, когда я,
летающий,
Услышу
большой катастрофы
раскат.
За младшего брата
и страх
и забота —
Пусть лучше со мною
поборется
смерть!
А как наша мама...
Два сына-пилота...
Какое ей мужество
нужно
иметь?!

***

И если парашют
твой не раскрылся,
и отказал
надежный запасной,
ты не разбился.
Слышишь, не разбился!
Еще секунды жизни
за тобой.
Пусть только тридцать,
даже пусть их двадцать,
а может быть,
всего только одна.
Ты должен драться!
До последней драться!
И будет смерть
тобой побеждена.

Я видел,
как нервущиеся ранцы
в секунды
разрывались на куски.
Как, до костей
содрав всю кожу
с пальцев,
Ломали шпильки, кольца
и замки.
Все это вовсе
не прошло бесследно.
И потому
клянусь перед страной,
что буду я
сражаться до последней,
коль вдруг откажет
даже запасной.

ПИЛОТАЖ

Вставало небо на дыбы,
На губы падало солено.
И, осторожность позабыв,
Хлестало синим и зеленым,
И мне казалось порой,
Что чаша неба раскачалась.
И солнце скомканной зарей
В ознобе огненном металось.

Упрямо рыжий горизонт
Ловило сердце гироскопа.
И не одно, а сотни солнц,
Да в танце
Лес, поля и горы.
Здесь горизонты полегли
У ног безусого пилота.
Как беден был жилец земли,
Не знавший этого полета!

Михаил ДЛУГОВСКОЙ

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТЬ

Фронтovým друзьям-
однополчанам посвящаю.

Я видел все это.
Я помню все это.
Гудящее небо,
Дымное лето,
Горящие сосны,
Кипящие реки.
Я их не забуду
Вовеки, вовеки.
Тревожные ночи.
Багровые дали...
На горло России
Враги наступали.
Шли скопом железным,
Жгли нивы и села.
Боль сердце солдата
Иглою колола.
Мы в письмах о том
Матерям не писали.
В сердцах мы своих
Замыкали печали.
Дорога была
И крута и длинна.
Уже в Подмосковье
Грохочет война.
Промозглая осень,
Колючие ветры.
От нас до Кремля —
Пятьдесят километров.

Земля подмосковная
Кровью дымится.
Насупила брови
Седая столица.
Кремлевские звезды
В защитных чехлах.
Горластые галки
На куполах.
От боли, от холода ли
Посинели
Объятые думой
Кремлевские ели.
У каждой заставы
Ежи и бойницы.
В солдатскую форму
Оделась столица.
Бьют мерно, как прежде,
Куранты над Спасской.
Мы слышим их в
темных
Землянках солдатских.
Под Наро-Фоминском,
Я все это помню,
Снежок подмосковный
Окрасился кровью.
Окрасился кровью,
Своей и чужою.

На запад лежал
Мой земляк-головою.
А враг был неистов,
А враг был жесток.
Он рядом лежал

Головой на восток.
Тревожные ночи,
Багровые дали,
Солдаты отчизны,
Мы на смерть стояли!

***

Как две струны тугие,
Катунь с подругой Бией
Шумят на перекатах,
Шлифуя берега.
Лесины в три обхвата

Качают на руках.
Качают, будто щепки,
Литые листвяки
Подруги-однолетки —
Две буйные реки.

***

Я с детства клеток не люблю,
На них смотрю с душевной болью.
И если птицы в них поют, —
Та песня о лесном приволье.

ШИПУНОВО

Пять путей.
 Тупик заржавленный.
 Элеватор в тополях.
 Да вокзал,
 Чуть-чуть придавленный
 Рыжей крышей в вензелях.
 Шипуново.
 Наша станция.
 Здесь о старенький перрон
 Раскаблучивался в танце я
 Ради тех, кто шел на фронт.
 Прочетило,
 Процокало
 Детство буйное мое.
 Шипуново
                         снова около,
 Да никак не узнает.

Равнодушной незнакомкою
 Крутит хриплым патефон.
 Пассажирский,
                         встречу комкая,
 Бросил вещи на перрон.
 И на всех парах за солнышком,
 Это значит — на Ташкент.
 Я фуражкой с околышком
 Помахал любезно вслед.
 Ах, моя родная станция,
 попрошу,
                         не хохочи,
 Если вдруг,
 Как прежде,
                         в танце я
 Раскаблучу хромачи.

ПАВОДЬ

Отпустила повод паводь   А на плесах и закосах
 Застоявшейся реки,   По велению ветерка
 И налево и направо   Расплетают алы косы
 Затонули ивняки.   Золотые облака.
 Вся округа под водою.   И куда ни глянешь—всюду
 И над лугом синь волны   Солнце щедрою рукой
 Голубую крону моет   Бьет зеркальную посуду
 У молоденькой сосны.   На поверхности речной.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

«Вот моя деревня,
вот мой дом родной»

I

Прими меня, деревня,
молитвы не твоя.
Я из самых древних
твоих мирян.
Каждый твой кустик,
песни в темноте
меня учили грусти,
учили доброте.
Сказок и поверий
твоих мне не забыть.
Они учили верить
и жизнь любить...

Но на асфальтах вытертых
теряю я тебя —
слишком много вытерпел,
тоскуя и любя.
Горизонты синие,
прощальный взмах руки,
что ложится инеем
на твои виски.
И все ж, клянусь я истово
твоим тополям,
что только ты — истая
русская земля.

II

Ходит девочка космачом,
топчет лужи.
Дружит с Колькой Грачом,
зачем дружит?!
Колька — сын богача,
жрет печенье.
Вся изба в калачах,
много денег.
А у ней,
у нее
в доме тихо.

Пахнет старым рваньем,
черствым жмыхом.
А в переднем углу
за иконы
дед листок запихнул
похоронный.
Мне б один на один
с ней да с небом
убежать в страну дынь,
в страну хлеба.

Только Колька-то Грач,
он сильнее.
Он дает ей калач
по крупнее.

И уводит, смеясь
тихо-тихо.
И швыряю я в грязь
кусок жмыха.

III

А солнце было щедрым, хоть и слабым.
Мороз? Тот был упрямым и тугим.
Он жаждал только славы, только славы,
да чтоб пред ним сгибались в три дуги.
Он, спрятавшись в тени от дома нашего,
глядел с завалин тяжело и зло.
Он этой злостью окна нам украшивал
и уносил последнее тепло.
Но солнце было щедрым, хоть и слабым.
Над горизонтом, подымаясь в рост,
Оно у сосен согревало лапы
и осыпалось куржаком с берез.
Я выходил во двор, где прыгал Шарик,
глядел, как, осторожное, оно
сначала землю медленно обшарит,
а после переходит на окно.
И чтоб ускорить солнцу наступленье,
выламывал тыннину, и всерьез
я колотил тынниною по теням,
где, по рассказам, проживал мороз.
А после, привалившись к бревнам грузным,
я слушал капель медленную звень.
И почему-то солнцем пахло вкусно,
И почему-то радовался день.

УЛЕТАЮТ ПТИЦЫ

Почему душа моя томится?..
Может, потому, что вновь я слышу,
Как, шумя крылами, снова птицы
Пролетают высоко над крышей...
Свищет ветер, листья обметая,
Дождь стучит по листьям бересклета.
Улетают птицы. Улетают,
Унося на тонких крыльях лето.
И опять со смутною тревогой
Я гляжу им вслед из-под ладони.
Птицы, птицы, кто же вас в дорогу
Даже в непогодь такую гонит?..
Даже ночью, когда светит Млечный,
Слышится мне гомон стай крылатых.
Знать незыблем тот закон извечный,
Что зовет нас и зовет куда-то.
Мы уходим. Мы летим, как птицы.
Мчатся поезда сквозь километры.
На виски нам пятый снег ложится,
И, как листья, нас бросают ветры.
Но я знаю, что под этим небом
Есть другой закон, нам всем знакомый:
Уцелевшим в бурях на рассвете
Приходить к крыльцу родного дома.

СТИХИ О ТЕБЕ

Что такое любовь?
Говорю: это ты...

Что такое тоска?
Говорю: это ты...

Ты, живущая рядом со мною.
Во мне.
Ты не бред.
Ты не вымысел пылкой мечты.
Били злобно в лицо мне
Косые дожди.
Мне буранные ночи
Сулили беду.
Но я шел. Я кричал:
«Ты меня подожди.
Я к тебе непременно приду.
Я приду».
До тебя мой подъем
Был отчаянно крут,
Спотыкаясь, я брел
На холодном ветру,
Как усталые путники
Молча бредут
По таежной тропинке
К ночному костру,
Я добрел.
Не окольной, но трудной
Тропой.

Я пришел к тебе. Вот я.
Я рядом почти.
На, возьми мое сердце,
Как книгу раскрой,
Всю ее до последней строки
Перечти.
В ней страницы нелегких
И горьких утрат,
В ней раскатные вьюги
И зори весны.
В ней прочтешь и о том,
Как в ночной листопад
Приходила ко мне ты
В тревожные сны.
Как будила меня
И звала за собой,
Став звездой путевой
В моей судьбе.
Нет. Прости. Не звездой —
Самой судьбой!
Ведь рождением вторым
Я обязан тебе.

* * *

Пахнет дымком. Овечьим острым потом.
Примчит степняк настой нагретых трав.
Заливисто, почуяв вдруг кого-то,
Глухую ночь облает волкодав.
Да вдруг заржет степная кобылица.
И снова тишь. Ни звука, ни огня.
Не спится мне сегодня, не ложится.
Я выйду в ночь, молчание храня.
Пойду туда, где бровью глухарьиной
Горят закаты на вершинах гор.
Там над рекой с чабанкою Ириной
Мы разведем из сушняка костер.
Отпрянет ночь и станет степь светлее,
Запляшут тени где-то за рекой.

Скажу Ирине, как легко мне с нею,
Как хорошо с веселою такой.
Когда ж зарю откроет тихо мгла нам,
Польный ветер заметет мой путь.
Мне будет жаль, что не сказал о главном.
Ну что ж, скажу. Потом. Когда-нибудь.

ПУСТЬ МНОГОЕ ЗАБУДЕТСЯ

Откуда эти тучи,
Ползущие сумбуром?
Зачем на эти скалы
Такая тишь легла?..
По спускам ледниковым,
По перевалам хмурым
Ползет неукротимо
Застуженная мгла.
Орлы — бродяги неба
Высматривают пищу,
Попеременно глядя
На Запад и Восток.
И лишь в ущельях ветер
Разбойным свистом свищет,
Как будто в сердце ветра
Безумство и восторг.
А там, в открытом небе,
Друг друга окликают,
Над скалами, над морем
Темнеющей хвоей.
Летят, сбиваясь в клинья,
Куда — и сам не знаю,
Журавлики, журавлики,
Хорошие мои.

Бросает осень-модница
Монеты по откосам,
Встрянув березку стройную
И тополь молодой.
Присядем на минутку,
Закурим папиросу,
Немного помечтаем
И погрустим с тобой...
Не все же нам смеяться,
Дарить улыбки людям
(хотя, признаться честно,
грустить я не привык).
Пусть многое забудется,
Но вряд ли мы забудем
С тобой прощальный этот
Печальный переключик.
Привет вам, птицы осени,
Летающие к закату!
Мы жизнь свою, как азбуку,
Читаем наизусть.
И нам, познавшим странствия
Нелегкие когда-то,
Как прописная истина,
Знакома ваша грусть...

АЛЫЧА

Важно ходят под водою,
словно гаги, голыши.
Это город мой фартовый,
мой фруктовый Геленджик!
Ай, какой хороший город.
Ай, какой практичный горец:
заглушая пароходы,
самоваром клекоча,
предлагает он прохожим
плод с названьем «алыча».

Геленджик мой голоштанный,
словно гаги, голыши...
Как порою не хватает
нам кислочей алычи!
Раскусил — и аж до пят
передернуло тебя,
окатило, отрезвило,
по щекам с плеча, с плеча!
Алыча?
Алыча!

В МИХАЙЛОВСКОМ

Стоял сентябрь. Гудела роща. И облака рвались на юг..
Вошло пронзительное пенье в душу тихую мою.
Полеты птиц в ней отразились, полеты листьев и закат,
вошла вечерняя прохлада с озерных смутных зеркал.
И вышел я с душой поющей. И с веткой, бьющейся в руках,
на край дороги. И увидел закат в тяжелых облаках.
Молчала роща под горою, молчали лодки и причал.
Пока за дальним-дальним плесом залетный гусь не закричал.
Мама, я в Михайловском,
аллея Керн передо мной.
Небес высокая механика
сотворила дождь проливной.
Вот стою я. Ветки куражатся,
изгибаются. Неспроста.
Вот стою я. И все мне кажется,
что раскрылись мои уста.

Что могу закричать я запросто,
словно дождь проливной.

И поймут меня заросли
мшавы полевой.

Что скажу я тихие, простые
слова.

И меня небеса России
благоклонно благословят.

А уста все не раскрываются.

А далекий лес усмехается.

Ты ведь знаешь, где я — в Михайловском...

***

Окно отеля открываю настужь,
Смотрю на город в россыпях огней.
На тротуар, засыпанный в ненастье,
Ложится тень моя, и вот по ней
Идет толпа и тень не замечает,
Смеется, оживленно говорит.
Толпа, конечно, ничего не знает
О том, что сердце у меня болит.
Оно болит неведомой болезнью,
Здесь не поможет свет рентгенлучей.
Любые порошки ей бесполезны,
Любой хирург бессилен перед ней.
Кружится снег. Спешат куда-то люди.
По жилам кровь толкается гудя.
Я слышу в этом непрерывном гуде,
Любовь непроходящая, тебя.
Я вдаль гляжу твоим единоверцем,
Неволью ищет карандаш рука.
И на листок кардиограммой сердца
Ложится одинокая строка.

Перевод с алтайского Н. ЧЕРКАСОВА

СНЯТСЯ ОТЦЫ

Мне снятся ночами
Тревожные сны.
Как будто отец
Воротился с войны.
Под темную каской

Не видно лица.
Он вместе с друзьями
Стоит у крыльца.
Вот скрипнула дверь,
И заходят в снегу.

Я крикнуть хочу,
Но никак не могу;
Заходят солдаты
И пьют из ведра,
Их губы смертельная
Сушит жара;
Снимают шинели,
Сидят без огня.
— Неужто, отец,
Не узнал ты меня?
Отец поднимает
Пустые глаза.
Луна ли скользнула?
Упала ль слеза?
Нам только ступить
На полшага бы, но
И это пространство
Постичь не дано.
— Отец,
Где ты долго так был?
— На войне.

А тени скользят
И скользят по стене.
Солдаты, хоть каждый
Продрог и устал,
Листают поэмы,
Что я написал.
Они проверяют,
Достойно ли жил
И крепко храню ли я
Память могил...
За окнами желтый
Качнулся рассвет.
Ах, сны мои, сны —
По тропиночке след!
Мне снова в дорогу,
Туда, где заря.
Мне горы — не горы,
Моря — не моря.
За правое дело
Мы вечно бойцы.
Недаром нам павшие
Снятся отцы...

***

Вечер черный, сырой, как яма.
За холмом прокричал куран,
У костра копошится мама,
Понедобней ставит таган.
Целый день мы косили сено,
Жарко ноет рука моя.
— Сядь-ка, мама, давай степенно
Побеседуем ты да я.
Мама в чашки чай наливает,
Подает: «Не спали язык.
Уморился, сынок? Бывает.
Вижу, ты от косьбы отвык».
Закурила трубку и рядом

Притулилась, глядит в огонь.
Звезды по небу бродят стадом,
На глаза наплывает сонь.
Где конец и начало речи?
Все слова смешались. И вот
Мама дремлет, укутав плечи,
А за речкой кто-то поет.
То ли девушки там, за плесом,
У ночного поют огня?
То ли месяц идет прокосом,
Спотыкаясь и чуть звеня?
— Желтый месяц, и ты с работы?
Ах, о чем ты поешь? Ответь!

И проснулась мама: «Да что ты!
Разве месяц умеет петь?»
Покурила трубку и снова
Задремала. Костер потух.
Кто поет? Не пойму ни слова.

Я сижу, напрягая слух.
То ли девушки там, за плесом,
У ночного поют огня?
То ли месяц идет прокосом,
Спотыкаясь и чуть звени?

Перевод с алтайского Л. МЕРЗЛИКИНА

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Над озером спускался красный вечер.
Закат березы обнимал за плечи.
И луч тянул туда, где одиноко
Стояла ты у позабытой лодки.
Стояла, дали взглядом обнимала,
Мои слова едва ли понимала.
А я спешил, я говорил о мире,
Который городской квартиры шире.
Себя там каждый неустанно ищет,
Там не бывает затхлого затишья.
Но ты молчала.
Лодку у причала
Волна едва заметная качала.
Да первая звезда в воде дрожала,
Все глубже, глубже, глубже погружаясь.
И понял я, моей не будешь милой —
Звезду со дна достать не каждый в силах.

Перевод с алтайского Г. ВОЛОДИНА

Георгий КОНДАКОВ

АРТИСТЫ ЕДУТ В УЛАГАН...

Меж скал,
Что выкрашены охрой,
Вдоль речек,
По крутым логам,
По скользким склонам,
Зыбкой согре
Идет дорога в Улаган.
Ущелье Красные Ворота.
Скала,
Как красная стена.
Здесь разбивается с разлета
Зеленогтивная волна.
В ущелье ветер,
Злой и резкий.
Взметнулись скалы к облакам.
А по распутице апрельской
Артисты едут в Улаган.
Уже поет
Земля ручьию,
Дорога,
Как в ненастье ночь.
Автобус встал.

И вот артисты
Выходят,
Чтоб ему помочь.
Все с ними было.
Все знакомо.
Но это не бралось в расчет:
Летят в лицо им грязи комья,
Их едким дымом обдает.
Дорожному досталось богу,
Досталось крепко всем богам,
За то,
Что не смогли дорогу
Получше сделать в Улаган.
Остался
на дороге
грязной
След тифелек,
разбитых
в прах,
Но состоялся все же праздник
В селе,
Затерянном в горах.

ТОМСК

Город Томск.
Улыбаюсь застенчиво.
Здесь когда-то и я шумел.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

A scenic landscape photograph showing a wide river valley. In the foreground, a river flows through a valley, with a small bridge or structure visible. The middle ground is dominated by a dense forest of evergreen trees. In the background, rugged mountains rise under a clear sky. The overall scene is peaceful and natural.

Город спит,
поудобней учебники
Положив
под подушку
себе.

ПОХИЩЕНИЕ ОГНЯ

(По мотивам алтайской легенды)

Бог Эрлик¹ сидит у очага,
Брови у Эрлика, как тайга,
Распростерлась деготная мгла,
Словно вороновы два крыла.
У людей Эрлик украл огонь, —
Много в сердце у Эрлика зла.
Слышен в островерхих юртах стон,
И остыла в очагах зола.
— Больше не придет на землю день, —
Думал сладко в преисподней бог. —
Будет шелудивый пес Ульгень²
Мой железный охранять порог.
В черном небе ни луны, ни звезд,
В черной шапке снежные белки.
Бог Эрлик, как ночь, черноволос,
За спину закинута клыки.
Бог сидит у красного костра,
Дремлет возле ног его топор,
Жарким полумесяцем горя,
Ласточка слетела с черных гор.
Опустилась ниже, на лету
Искорку схватила, как цветок,
И стремглав метнулась в темноту,
За железный и крутой порог.
В страхе затряслись вершины гор:
Был во гневе бог Эрлик жесток.
В светлый полумесяц свой топор
Кинул, негодуя, черный бог.

¹ Эрлик — бог зла (алт.)

² Ульгень — бог добра (алт.)

Я беру наконецник стрелы
без опаски,
Только кажется мне,
что не стих еще бой.
Я держу наконецник
певуни джунгарской,
Ну, а в сердце моем
неостывшая боль.
На земле беспокойно.
Над мирными тропами
Машет снова гроза
своим красным копьем.
Не тропический ливень
грохочет над тропиками,
Тучи черные хлещут
свинцовым дождем.
И уходят под пули
хорошие парни, —
Им бы жить-поживать
на земле без войны...
...На Алтае весна.
Бьет зеленое пламя.
Снеговые вершины
в озерах видны.
Села в белых садах-облаках потонули,
Соловиное солнце
над ними встает.
Неужели и мне
приготовлена пуля
И счастливое сердце мое
разорвет?

***

Ах, какой ливень! —
Косые струи...
А я твое имя
Шепчу и тоскую.
И мне бы по лужам
Ногами босыми.
Но ливни косые
Подкосят. И нужно ли?
Нужна ли?
А ветры весенние буйны.
Люби меня —

Яблоней встану я в буре —
Светла, словно тайна,
Строга, словно тайна...
Я та ли,
Я та ли?.. —
Шепчу облетая...
И в шелесте ливня —
А капли, что камни, —
В дожде твое имя
Шепчу лепестками.

***

А сколько ты мне рассказывал
Про Ленинград и про Азов...
В Кузбассе на шахтах вкалывал,
В баркасе по Балтике хаживал...
Как финны тебя вылавливали,
Как выжил тогда. Да мало ли?
Был весь неуемною силою,
А губы болью сводило...
«Наш Генка. Он может многое».
А ты собирался в дорогу.
А ты собрался в Питер.
«Я — питерский. Не смотрите,
Что моя роба в мазуте,
А сам я весь — как мазурик.

И руки мои в солидоле...
...А тянет меня, братцы, море!»...
Ах, Генка — душа бродячая,
В ничьих анналах не значатся
Стихи, с твоей легкой руки —
Про паруса и про кулаки...
Коль драться — так насмерть драться...
А долго ли к морю собраться...
Лежал аттестат твой в кармане.
Мы пили на расставанье
Из рюмок, тобою выточенных...
А память конвейером ниточным
К тебе возвращается вспять...
С тобой не видались лет пять...
С кем в жизни скрестились пути?
Как удалось их пройти?
Скажи-ка мне, Генка Дружин,
И вспомни, как мы дружили!

Андреас КРАМЕР

МЕЧТА МАТЕРИ

Чудо! Кто б подумать мог:
Ма-ма, — сказал сынок.
Па-па, — скажет завтра крошка,
Подрастет еще немножко,
И не будет больше мать
На руках его качать.
Вдруг однажды встанет сын
И пойдет совсем один.
Год за годом — будто сон —

Октябренком станет он,
А потом пойдет он с флагом
Пионерским бодрым шагом.
И когда-то будет мать
Тракториста с поля ждать.
Вот оно, все без утайки,
Счастье мамы в теплой байке.
Кто посмеет отобрать
Все, о чем мечтает мать!

Перевод с немецкого Э. ГАПОНЕНКО

РАССКАЗ ТОПОГРАФА

Над центральной Россией
Провисают провода.
Течет речка — Херася,
Не поймешь, течет куда.
Ветлы, лес, болото, поле.
Под соломой село.
Мы вбивали в поле колья
Я не знаю для чего.
Я ходил с двуцветной рейкой,
У меня был умный вид.
А начальник наш глядел все
В (как его?) теодолит.
А когда платочек синий
Я угадывал вдали,
У начальника просил я
Поглядеть в теодолит.
А начальник улыбался
И показывал мне фиг,
Сам глядел и умилялся.
(Ох, и вредный был мужик!)
А потом у них на свадьбе
Так я пел и так плясал,
Будто вовсе наплевать мне,
Будто я с ней не гулял.

Я отчаянно напился
И кричал как на ветру:
«Я бродягою родился
И бродягою помру».
Приблизь соседку Валю,
Толковал ей как в бреду:
«Я себе такую кралю
После армии найду».
Было весело и пьяно,
Было шумно и тепло,
И под выдох баяна
Куролесило село.
Было весело. О боже,
Как нескоро я пойму:
Не найти такую больше
Никогда и никому.
А пока играй, гармошка,
Будем пить и будем петь.
Невозможное возможно —
Мы успеем все успеть.
А наутро снова в поле
Через сонное село.
Снова мы вбивали колья,
Я не знаю для чего.

ПОЛЫНЬ

Двадцать пятой весною,
Уткнувшись в полынь,
Вдруг заплакать навзрыд
Безо всякой причины,
Потому что полынь,
Потому что теплынь,
Потому что вокруг
Перещелк соловьиный.
Нет, не трель соловья,
Не томленье в крови, —
Двадцать пять —
Это впятеро больше, чем двадцать.
Эй вы, други мои,
Эй, подруги мои,
Мы же взрослые,
Хватит собой любоваться.
Но и други молчат,
И подруги молчат
И глядят на меня
Удивленно-тревожно.
Их глаза говорят:
— Дескать, что это, брат,
Разве ты не расстался
С сиреневым прошлым.
— Перестань.
Выправляй свой лирический крен.
И чего ты расплакался?
...Так. Без причины,
Потому что полынь,
Потому что теплынь,
А еще потому,
Что не плачут мужчины.

РОДИНА

Вникаю в сказы с пересказами
И в хуторскую тишину,
Где дед мой присказками разными
Вводил в глухую старину.
Метель кружила в девять ярусов,
Металась, бешено рыча,
Сибирь вставала белым парусом
В седых начесах кедрача.
Но и теперь, когда нелегкая
Коснется памяти моей,
Я вижу дали одинокие,
Печаль далеких деревень.
Лежат снега повсюду спелые
В игривом блеске хрусталя,
О, прости мне руки белые,
Моя сибирская
земля!

***

Думаю о жизни
чаще,
Принимаю жизнь
чище,
                    углом атак.
Сердце, что порою
слабость ищет,
Я сжимаю яростно
в кулак,
Понимаю,
принимаю сущность
Нашей жизни,
                    гордой и прямой.
Что не горек черный хлеб
насущенный,
Честно заработанный тобой.
Жизнь меня и била,
                    и бросала
Сквозь кругую доброту людей,
Но она
                    плохой молвы не знала
О нелегкой юности моей.
И другой
                    не надобно мне славы —
Лишь такую славу берегу.
Я порою быть могу
                    неправым.
Быть в стихах неправым —
                    не могу!

СНЕГОПАД

Снегопад, снегопад!	Быстрота нарастает.
Вся Россия в снегу!	Я лечу, как гонец!
Я кричу невпопад	Вдруг снегурка растает —
И бегу, и бегу...	И счастьем конец...
Русь светла, как невеста.	На затылок шапочку
Дома — терема!	Ветер скоростью сбил.
Наконец, наконец-то	Ах! Да эту девчонку
В России зима.	Я и в детстве любил.
Ах, какая погода!	Где она эти годы
Светла и бела.	Жила и была?!
Русь! Да ты ведь полгода	Может, этой погоды
Такой не была.	Снегурка ждала.
Где ты там, Сивка-Бурка?	Огляделся кругом я —
Где ты, Джина кольцо?	А снегурочки нет...
И девчонка-снегурка	Только снежные комья
Спешит на крыльцо.	Да загадочный след.
Миг! И нет Сивки-Бурки.	Я бегу и бегу.
Он пропал за рекой.	Даже снегу не рад.
Я касаюсь снегурки	Вся Россия в снегу.
Горячей рукой.	Снегопад, снегопад!

СКАЗКА О КАЛИНЕ

Эту сказку,	Царь деревню,
Мудрую и древнюю,	И в поход
Довелось от деда	Готовили коней!
Слышать мне...	Выходило
— Проезжал, бывало,	Целое селение

О спасенье
Господа просить.
Совершалось
Крестное моление
За здоровье
Матушки Руси.
Вечерами
Выходили с лодками,
На лесных озерах
Жгли костры.
Женихи,
Прощаясь с молодками,
Сабельки
Готовили остры.
Но однажды,
Как гласит предание,
Как народ
Запомнил о царе,
Царь назначил
Девушке свидание
И ее
Покинул на заре.
И полки его
Ушли' долиною,
Поднимая солнце

На мечях...
Девушка
Стоит теперь
К а л и н о ю,
С красными
Слезинками в очах.
Сказка та
Давно покрыта
Древностью.
Навсегда ушел
В былое царь...
Но горят еще
И ныне ревностью
В девушку
Влюбленные сердца.
И с тех пор
Всегда весенней
З о р ь к о ю
Загрустит калина
У п р у д а...
Зацветет бело...
И станет горькою...
А потом краснеет
О т с т ы д а...

ЗАБОКА

Как в детстве, в Сартову забоку
Вошёл я через сорок лет.
И чувства хлынувшей протокой
Перехлестнули сердце мне.
Цветет шиповник, хмелем спутан.
И до удушья аромат.
Над белым полымем цикуты
Роями пчелы гомонят.
Я золотых колец акаций
Не трогать просто не могу.
Готов вперегонки пускаться
За огоньками на лугу.
Здесь хорошо необычайно!
Ложусь под куст, как на постель.
И если я вздремну случайно,
Меня разбудит коростель.
В чащобу углубляюсь, в рожь ли —
Все не напысь их простоты.
Здесь, на земле моей хорошей,
Не пережить мне красоты.
Брожу в забоке летом ясным,
И лет ушедших мне не жаль:
Отсюда путь мой в мир прекрасный
Мне открывал за далью даль.

ЛЮБОВЬ

I

Каша с наваром, каша с приправою,
Под небом столы да скамейки в ряд.
Садятся солдаты шумной оравою.
Трое сержантов на сто солдат.
Чашки да ложки, бачки да горячие.
— Постой, не трогай: язык спалишь!
Лезут под ноги будто незрячие,
Будто ослепшие куры.
— Кыш! —
Чей-то сапог бьет в перекладину,
Куры — не дуры. Смазан пинок.
Слышится ругань: «Словить бы гадину!
Глянь — изгадила весь сапог».
В бригаде колхозной, пятой по номеру,
За речкою нивы желтым-желты.
Ветлы-старушки будто по миру
Бредут, растянулись на три версты.
А солнце село. Трехтонки фыркают.
Сержант с гитарой прошел в избу.
Ведро без доньшка кверху дыркою
К зиме нахлобучено на трубу.
В пятой бригаде скука зеленая:
Куры да речка. Куда пойти?
Рота солдат. Молодежь ядреная,
Каждому нету и двадцати.
Завтра снова с вилами, с граблями
К пыльным комбайнам, густым валкам.
Роса на землю сыплется каплями,
Скрипят коростели по камышам.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

А за курганом палатки белесые.
Не спят геологи, жгут костер.
Куртка внакидку, теплые, босые,
Три красавицы, как на подбор.
Грустная песня — черные вороны,
Грустная песня — где же ты мой?
Парни есть, но все поразобраны,
Остался конюх, и тот хромой,
Чинит уздечку смоленой дратвою,
Сдвинул кепку, бубнит под нос:
«Ладишь, ладишь ее, треклятую, —
И все понапрасну, собачий пес!»
Выглянет ногу свою короткую,
Снимет ботинок — гвоздь на гвоздю
Около пятки помочит водкою,
Скажет: «Заныла. Опять к дождю».
Конюх занят своими заботами.
Девчата поют. Не видать ни зги.
И вдруг из ночи на отсвет — вот они —
Ступили мокрые сапоги.
Трое сержантов. Ничуть не четверо.
Ничуть не двое и не один.
Трое — как раз. Широкоплечие.
У каждого челка косая в клин.
Встали рядком, каблуками грохнули
— Сидеть! Ни с места! Сдаетесь в плен?
Девчата вскинулись, тихо охнули,
Юбки поправив ниже колен.
Куртка сползает. Плечи открытые.
— А мы вас не ждали.
— А мы пришли.
Спутанный конь простучал копытами,
Брякнул боталом, смолк вдали.
— Елки-моталки! Прошу прощения. —
По струнам гитарным пальцем — трень! —
Мама меня родила в крещение,
В самый румяный студеный день.
Подсел к девчонке.
— Люблю румяных!
Глаза студеные, что же вы так?
Или шляпа моя не в султанах?
Иль на гитаре обшарпан лак?

Конюх злится: «Что ж они смолоду
Так вот вольно, за дважды два? —
Обул ботинок, чешет бороду. —
Что им, нонешним? Трынть-травал!»
Костер опустел, постепенно глохнет.
Все разбрелись по полночной мгле.
Лишь только где-то гитара охнет,
И снова мыши пищат в земле.
Конюх на звездочку глянул летнюю,
Конюх звездочке той мигнул,
Конюх водку допил последнюю,
Прилег на телеге и враз уснул.

II

Подсолнечник полон утренних шорохов.
А небо — бездонное — э-ге-ге!
По головам желтых подсолнухов
Гитара скользит на черной ноге.
— А я свою кралю обнял за талию,
Девушка в сторону. Вот беда!
Зову Валентиной, Валюшкой, Валею
И даже по отчеству ляпнул. Да. —
Парни хохочут, хохот раскатистый. —
Меня оттолкнула, бьет по щекам.
Но у меня характер покладистый.
Терплю и думаю: «Сам с усам».
Гнутся будылья и шляпки клонятся.
Парни хохочут. Стук сапог.
Острые скулы. В глазах бессонница.
Нынче снова надо на ток.
— А я, ребята, ее посватаю.
Может, это любовь и есть?
Это любовь, — говорят ребята.
Любить такую — какая честь!
— Ладно, молчите! — и снял гитару
И подкрутил для баса колок:
«Ой, не ходи, не ходи по яру,
Ой, не носи на плечах платок.
Не шеборши на ветру махрами.
Нам с тобой понемногу лет.

Ты бы да я бы, да ночь над нами,
Ты меня любишь, я тебя — нет».
Вышли к поселку, вышли и ахнули:
Будто из небыли вестка-весть,
Девочка — кроха с глазами-птахами
И плачет и в ягоде вся, как есть.
Тут же бадейка с дужкой помятою,
Тут же сорока на старом пне,
Тут же ветер играет мятою,
Чешет бока на колкой стерне.
Трое склонились, помочь бы охота.
Под каблуками ягоды кровь.
— Плакать не надо. Что ты? Ну, что ты?
Как тебя звать? И в ответ: «Любовь».
Гром прокатился, упал за рощею.
Девочка, вскрикнув, метнулась прочь.
Туча по небу двигалась ощупью.
Прав был конюх сегодня в ночь.
Между хлебов синее косынка.
Дальше. Дальше. Еле видна.
Это Любовь своею тропинкой
Уходит навстречу грозе одна.

СИНЕЕ

Чинно, скромно, деловито	Кошка юркнула под крышу,
Солнце село за лесок,	Дед вздыхает: «Егоза».
С неба, словно через сито,	И на синюю афишу
Синий сыплется снежок.	Пялит синие глаза.
Перед синим магазином	Он смахнул с афиши иней
След в снегу загустенел,	И читает что к чему,
Дед пришел за керосином,	И с афиши кто-то синий
Нос у деда посинел.	Улыбается ему.

ЛЕБЕДИ

Ах, годы, годы... Как вас ни лови —
Вы лебеди, сверкающие перья,
Лишь взмах крыла — и вот уже поверья
О лебединой песне, о любви.

Сверкнет перо и наземь упадет.
А лебеди, их много: вереница.
Скажи мне, окольцованная птица,
Куда летишь? И что тебя влечет?
Гляжу вослед, бывшее вороша...
Любимая (страшит ли увяданье?),
Ты для меня последнее гаданье,
И мед и яд последнего ковша.
А если жест и слово невпопад,
Не замечай, не надо исправлений.
Ты слышишь? Где-то в роздыми осенней,
В дали далекой лебеди летят.

САМОСОЖЖЕНИЕ

И пел ручей, и зрели ягоды,
И плющ взбирался по стене.
А на крыльце священной пагоды
Монах сжигал себя в огне.
Полосовало пламя бритвою
И подступало под глаза.
А он сидел, хрипя молитвою,
И за слезой текла слеза.
Он оплывал, подобно олову,
Стонал: «О боже! Ты велик!»
В последний раз откинул голову,
Повел плечами и поник.
И рухнул мир. Лишь дым в кружении,
Да пламя клочьями, да прах.
Что ты нашел в самосожжении,
В самомучении, монах?
Протест, разбуженный обидою,
Ты возвеличил до огня.
Я, может быть, тебе завидую,
Поскольку ты сильнее меня.
Но я не трус! Я славлю польмя
Во имя правды и добра!
Лишь ненапрасно бы и вовремя
Упасть в объятия костра.

ФАРАОН

Сгибался раб, дыша устало,
И плиты клал. А годы шли.
И пирамида вырастала
Среди полуденной земли.
Когда осталось до вершины
Совсем немного, умер тот,
Чьи благородные седины
В молитвах пестовал народ.
И вот, духовно уготован,
Мечом и золотом снабжен,
Как предки, лег он, замурован,
Безмолвный, грозный Фараон.
В слезах и криках убивалась
Наемных плакальщиц толпа,
Звезда падучая срывалась,
Луна точилась до серпа.
Шуршал песок. И время оно
Священным стало бы, но вор
Проник в гробницу Фараона,
И меч, и золото упер.
И мало ел обедов сытых,

А потому был весельчак:
На перетрескавшихся плитах
Оставил порванный башмак.
И люди вдруг заговорили
(На то и, собственно, язык),
Что Фараон, как пыль от пыли,
Не так уж грозен и велик.
Живя в предчувствии потопа
И ненавядя вся и все,
Он с озлоблением циклопа
Искал бессмертье свое.
Губил и рушил, сознавая,
Что ничего не создает.
Напрасно мумия слепая
Пугала мщением народ.
Цвели цветы. Рождались дети,
И на земле менялась власть.
И надо ж было жить на свете,
Чтоб так держаться —
и упасть!

***

Шумит сосна, береза шелестит.
Неподалеку светятся оградки.
Кресты, кресты. Могилы, словно грядки.
Трава густая лезет из-под плит.
Оплакано, навек погребено,
Замкнулся круг, и страсти откипели.
Кто здесь лежит в посмертной колыбели?
Не все ли мне, стороннему, равно?
Среди чужих, на кладбище чужом,
Я медленно ступаю по тропинке,
И вижу паука на паутинке,
И слышу: погромыхивает гром.
И вдруг, как полыхнувшая гроза,
Не в небесах, а рядом, близко-близко,

С покрашенного охрой обелиска —
Улыбчивые девичьи глаза!
Глаза вразлив! Я замер неуклюж,
Кудлатый чуб ерошу пятернею,
А девушка смеется надо мною.
Забывтие, безвременье. И глушь.
А девушка смеется, и чело
Не омрачают скорбные морщины.
А за погостом зыблемость лощины
И с белою пекарнею село.
Клубится туча, вьется, будто хмель,
И солнце шаром катится тяжелым.
— Эге-ге-гей! Я жить хочу веселым!
Греметь, как гром, за тридевять земель!
Я неизбывен, молод и силен!
Не промахнусь, не сгину стороною!
А девушка смеется надо мною.
И лес лопочет, ливнем упоен...

ЖЕНЕ ДЕКАБРИСТА

Листья в парке поалели,
Облетают на ветру.
Здесь когда-то по аллее
Ты гуляла ввечеру.
В доме музыка, лампы, а,
Веера и обшлага.
Ты стояла у террасы
И смотрела на луга.
Из тумана, в лунном свете,
Стог папашой казака.
А у мужа в кабинете
Снова дым до потолка.
Кто-то в бурке по оплечью
Каламбуриет о царе.

Царь ответит им картечью.
Это будет в декабре.
По этапу в злую стужу
Он сошлет их за Читу.
Ты потом уедешь к мужу
За Читу, как за черту.
И в чалдонском поселенье
Доживешь с ним до седин.
Глушь. Тайга. Следы оленьеи.
На реке шуршанье льдин.
Скажет он, смежая веки,
Отходя в небытие:
«И да святится навеки
Имя светлое твое!»

Черпну ладошкой воду из ручья,
Плесну в лицо — и знобкая остуда.
Протру глаза: боярка, ты откуда?
Сорока белобокая, ты чья?
А этот пень? Вы знаете его?
А этот гриб в мохнатеньком берете?
Он нынче появился на рассвете,
И вы не возразили ничего.
А я для вас, для жителей лесных:
Боярка, пень, сорока-белобока,
Мохнатый гриб — я лишняя морока.
Вам дел хватает собственных, своих.
Зато без вас я горестен и нем.
Я говорю вам, это не впервые.
Любимые, хорошие, родные,
Скажите, кто я, что я и зачем?
Сорока — фыр-р! — и сполохом в кустах.
Боярка брови хмурит. Недотрога.
И пень молчит. И гриб, склонясь немного,
Запратал слово в сомкнутых устах.
Ну что ж, мои молчалники? Добро!
Я смысл постигнул вашего молчанья,
Мол, человек ушел от одичанья,
Но алчет в нем звериное нутро.
Гляжу в себя и верю не совсем.
Точней, не верю. Жизнь не так жестока.
Боярка, пень, сорока-белобока,
Скажите: кто я, что я и зачем?

Иван ОЛИФЕРОВСКИЙ

ЗАОЧНИКИ

...Еще крепки сердца у них и руки.
И лбы еще, как яблоки, крепки.
И если долго ждали их науки, —
они еще
совсем не старики!
Поэтому их споры блещут жаром,
глаза их жаждой истины горят.
О будущем они твердят недаром
и меньше — о прошедшем говорят..
Всю ночь рычат стальные крокодилы:
провозят то цемент, а то кирпич..
Вот так и жизнь
сквозь сердце проходила
и требовала: вникни, возвеличь!
...У каждого есть замки и поместья,
где ждут герои выходов своих.
Им вместе жить
и драться тоже вместе,
быть может, одному против троих..
Но этот бой, высокий и желанный,
сердца единой правдой горячит,
хоть жизнь еще порой наносит раны,
хоть жизнь еще смеется и горчит.

НА ПОДОКОННИКЕ

Она сидела, как царевна,
на подоконнике своем...

А между тем
любовь и ревность
шли к ней по осени вдвоем.

Она, забросив все уроки,
на детский бегала в кино.
Они же знали:
в эти сроки
заметит вдруг она пятно,
пятно чернильное на пальце,
и станет фартуком тереть...
И станет чище умываться
и чаще в зеркальце смотреть.

И скажет где-то у спортзала:
«Дружить не буду я ни с кем!»
А вечером, чтоб мать не знала,
накрутит локон на виске...
Она сидела, как царевна,
на подоконнике своем.
А где-то там
любовь и ревность
шли к ней по улице вдвоем.

ВОСПОМИНАНИЕ

...На почерневшей серебряной цепке —
почерневший серебряный крест.
У бабки руки, как грабли, цепки.
Бабка сало свиное ест...
А я, угрюмо слюну глотая,
шершавый, теплый лью кипяток:
«Ешь на здоровье, карга седая,
авось протянешь еще лет сто!» —
Я думал грубо
и зло,
и слепо —
было мне
маловато лет.
Но можно было
краюху хлеба
дать пацаненку
в такой момент?
А бабка
крошки смахнула, съела,
и для молитвы
свела персты...
Клюкой гибалось бабкино тело,
глаза у бабки
были пусты!

Они смотрели
никак —
не строго,
не удивленно, не с холодком.
Они смотрели
только на бога,
жившего где-то под потолком.

ДЕРЕВЬЯ

...Так для чего растут деревья
в тайге суровой и в лесу?
Лишь для того, чтоб мы смотрели
на их зеленую красу?
Лишь для того, чтоб мы спасались
от зноя в благодной тени,
да чтоб озоном запасались,
когда зима забелит дни?
Растут, чтоб рухнуть в час суровый?
Но ведь и высохнут — стоят!
И только жухнет лист здоровый,
как будто принял тихий яд...
Терзает ветер их врасшатку,
но, сколько ветер их ни гни, —
заглянешь в недра, скажем, в шахту —
и там, в земле, стоят они!..
И человек об этой силе
уже задумался не раз.
Когда свинцом его косили,
стоял, не закрывая глаз.
А если солнце
черной ночью
вдруг обернется в тяжкий миг, —
он и тогда
подняться хочет,
чтоб увидеть друзей своих.
...Мы их красе зеленой рады...
В бору, у речки ли, в селе,
как выраженье высшей правды,
стоят деревья на земле.

РОДИНА

Всего, что есть, не перескажешь книгами,
Однако в прошлом, не считая ран,
Скажу одно, что под знамена Игоря
И я был призван против половчан.
И я, как все, поганой кровью вражеской
Кропил ковыль, степные валуны.
А в час кончины Ярославной княжеской
Оплакан трижды с городской стены.
Врастал ковыль в глаза мои раскосые,
И тело жадно рвало воронье.
Но в этой фразе: да, великороссы мы,
Заключено бессмертие мое.
Куда ни глянешь: призрачной громадою
Стоят курганы, шепчут ковыли...
Бесценный дар я получил от прадедов —
Грядущее и прошлое земли.

Из цикла „Наедине с землей“

ИЗБА

Живу в бревенчатой избе
и ставни красные в резьбе.
А от порога, от крыльца
идут дороги в три конца:
направо — лес,
налево — луг,
а та, что прямо — по селу.
И вдоль укатанной дороги
дома, приземисто и строго,
стоят, похожи меж собой
многоэтажною судьбой.
Когда тревожно спит планета
и беспокойно тишине,
в избе задолго до рассвета
вдруг вспыхнет чуткий свет в окне.
И, подпирая мир боками,
(их прочно ставили на мох!)
изба стоит, как в сказке камень,
на перепутье
всех дорог.

* * *

Мне не спалось. Не шли стихи,
дергач будил округу криком.
И воробей из-под стрехи
уже о чем-то чик-чирикал.
А где-то пели петухи,
мычал телок. И пахло дымом.

И вдоль ограды лопухи
стояли, как необходимость.
Хотя еще не рассвело,
гусак на речку войско двигал.
И походило все село
на раскрывавшуюся книгу.

МОНОЛОГ СКОТНИКА

Б. Капустину

А ты знаешь, Борис,
что в деревне такое:
скотник, дояр, борись
за привесы, надои!
Это значит коров
выгонять на луга.
А луга — будь здоров! —
у чертей на рогах.
Это значит в степи,
где намека на тень
нет, как пес на цепи,
загорать целый день.
Да по выжженным травам
киселя похлевать,

да беречь от потравы
при дороге хлеба.
А под вечер, когда
ты вернешься домой,
из колодца вода,
как напиток хмельной.
И перина — как снег,
и лежишь, как король,
и гоняешь во сне
среди неба коров.
А районная пресса
выдаст пламенный стих,
как высоких привесов
ты на вахте достиг.

***

Он умирал, свой век прожив,
как пахарь, честно и на совесть,
он умирал, на грудь сложив
большие руки невесомо.
Он умирал. Уже душа
чуть теплилась в ослабевшем теле,
уже стояли не дыша
жена и дети у постели.
Он угасал, как гаснет свет,
понявший, что слабее мрака.
А в двух шагах его сосед
дочь поздравлял с законным браком.
Там брага пенилась в ковшах,
и, сотрясая стены песней,
рвалась русская душа
из-под рубахи в поднебесье.
И смерть поправ, — таков закон, —
жизнь шла, не ведая предела.

Он умер. Ну, а свадьба пела,
пила, хмелела, не скорбела,
и потому — не умер он!

***

Как листья осенью окрест —
такое дело! —
на воре шапка (вот те крест!)
вовсю горела.
И знали все, что вор горел,
горел — не таял.
Злой пес метался во дворе
и громко лаял.
А вор спокойно воровал,
ходил на воле.
Тащил зерно, возил дрова
и был доволен.
Он думал: спите, глухари,
пока ворую.

А шапка — что? Пускай, горит,
куплю вторую...
Его однажды на заре
поймали все же.
Сгорела шапка — вор сгорел.
— Да быть не может!
А некто на суде изрек:
— Бывают пятна
на солнце даже (видит бог!).
А вот куда смотрела в данном
случае
профсоюзная организация? —
Не понятно!

Иван ПАНЧЕЕНКО

ОТЕЦ

Он конями менялся лихо,
Иногда приходил с уздой,
Возвращался с базара тихий,
Наполнялись глаза тоской.
Жизнь настала совсем иная
И былого не хочет знать,

Лишь отцу обидно бывает:
Нет коня, чтоб его сменить.
День, другой томится, бедняга, ,
Как тоска на него найдет,
И лохматую нашу дворнягу
По старинке менять ведет.

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

У поэта, о творчестве которого предлагаемые заметки, счастливая поэтическая судьба. Первая его книжка—«Купава»—вышла в Москве, была замечена критикой и быстро разошлась. Через год с небольшим, теперь уже на родине поэта, на Алтае, вышел новый сборник стихов «Россия», увеличивший число поклонников и почитателей нового поэтического имени.

В наше время, когда читатель не имеет недостатка в хороших стихах, подобный успех редко бывает случайным. И, действительно, Леонид Мерзликин, а речь идет о нем, начал с интересной и, не побоимся этого слова, оригинальной книжки. Свежесть и тонкость наблюдений, своеобразное поэтическое мышление, задушевность и простота, легкость и напевность ритмов не дали «Купаве» затеряться в книжном мире. Любителям поэзии по душе пришлось умная, подчас грустная лукавинка мерзликинских стихов. Вспомните: «У Гоши калоши, рубаха сатин (зеленый сатин по рублю за аршин)». ...«Скрючит, выпрямит палец. — Подожди, покажись. Ну теперь ты красавец. Не малина, а жись».

Не осталось без читательского внимания и умение поэта выразительно, несколькими штрихами воспроизводить образ. «Руки-закорюки. Цыц и не моги! Вытертые брюки, с хрупом сапоги». Или: «Не буянить с женой, не по зимам крестить — он идет по ограде собаку травить...» Обращает на себя внимание и словарь «Купавы».

Поэт в большинстве случаев со вкусом использует просторечие, разговорную интонацию, умело обращается с диалектизмами. А этого не могло бы быть, не знай хорошо Мерзликин быта, жизни, не люби коренной русский язык.

«Да разве я в том виноватый,
Что старший братан гулевой,
Домой не приносит зарплаты,
Раз пять расходился с женой.
Напьется, падет у порога,
И мать наклонится над ним...»

«А щечки-то с пылу, —
смекает на глаз.
Кабы не обжечься
А то ить тогда,
А то ить тогда
и еда — не еда!»

Но вместе с тем первая книга поэта не лишена и существенных недостатков. Узорчато, ярко, рисунку стихов подчас явно не хватало мужественности и глубины, а вместе с этим, гражданственности и и человеческой боли. Крепко сколоченные строки больше походили на з милые до сентиментальности акварели. Лишенные четкой авторской позиции и принципиальности, они заинтересовали, в основном, своей внешностью. Лирический герой в них видится таким лихим рубахой-парнем, в сапогах гармошкой. Он еще не городской, но уже и не деревенский. Он давно не встречался со своими дружками-сверстниками, с которыми шнырял по огородам, целовал девчонок, но память об этом цепко держит его душу, мешает ему взглянуть со стороны взросло и объективно.

Образ подобного лирического героя далеко не новый. Впервые он появился в стихах Сергея Есенина, потом у Бориса Корнилова, Павла Васильева... Этот «детский план», эти милые воспоминания юности и явились, на мой взгляд, причиной наивности, инфантильности большинства стихов «Купавы». Не знание жизни во всей ее сложности и наготе, не противоречия деревни стали лейтмотивом сборника, а любовование, подобное «...Они целовались, а я набрел. Глазами хлопаю и не с места». И, думается, возьми Мерзликин эпитафией к сборнику слова Евтушенко «Наделили меня богатством, не сказали что делать с ним», — это был бы точный эпитаф.

Между тем, в поэзии, как и в жизни, существует свое «похмелье» — поэтическое. Оно приходит с первыми откликами критики, с отзывами читателей. Длится оно, обычно, до следующего сборника, ибо первая книжка навсегда становится заявкой на будущее.

Поэтическое «похмелье» Мерзликина не затянулось. Как ужже говорилось выше, через год с лишним последовала новая встреча с читателями, как доказательство жизнеспособности поэта, неизрасходованных запасов его душевных богатств и чувств.

В новой книге внешний облик поэта не изменился. Юмор, лукавин-

ка, свежесть и сочность поэтического языка и восприятия по-прежнему налицо.

Тем не менее «Россия» заметно отличается от «Купавы». Лучшие стихи в этом сборнике отмечены печатью повзрослевших раздумий, желанием понять и осмыслить не только прошлое Родины, но и ее настоящее. Для Мерзликина, заявившего о себе, как о поэте интимных чувств и отношений, находящегося в плену у воспоминаний детства и юности, подобный шаг — поистине заметная веха в творчестве.

В программном стихотворении «Россия», давшем название сборнику, поэт без пафоса, без слезливости признается, что он не знает России. «Я не знаю России. Не знаю, не знаю. Где такая страна? Покажите ее». И только мысленно пройдя по ее дорогам со времен Мамая до наших дней, переболев ее болями и радостями, он приходит к выводу: «Нет, я знаю Россию. Вы слышите? Знаю!»

Даже при всей претенциозности последних строк — это очень примечательное стихотворение. В нем суть всей книжки, квинтэссенция ее, ее схема, ключ ко всем стихам. Собственно, другие стихи и должны были стать по замыслу автора вехами на дороге, по которой он мысленно прошел.

Какие же вехи выбрал автор? На чем он решил остановить внимание читателей?

Вот «Бунтари». Поэт этим стихотворением открывает книгу, словно желая лишний раз напомнить, что Россия никогда не теряла своего мужественного лица, что в жилах у нее вечно стучала свободолюбивая кровь.

Скупыми красками, сдержанно и чуть торжественно ведет рассказ поэт о казни бунтарей. Динамичный и точный в деталях стих до осязания передает приметы времени. А поэт идет дальше. В «Исторической картинке» он уже не только художник, но и исследователь.

Написанная в нарочито замедленной интонации, с частыми повторами, картинка передает и равнодушие человека, и его покорность перед силой. Но главное — дорисовывает, даже больше, обобщает портрет тех, кто противостоит бунтарям.

«...В своем доме сидел палач,
сидел палач, жевал калач.
жевал калач, в окно глядел...»

И это после казни. «Он час назад срубил башку боярам двум и мужику». Но как бы там ни было — Россия продолжается.

«На присыпанной снегом озими
бородач в лапотках стоит.
Грудь бугром, полушубок по ветру,
из-под шапки глаза в упор.

- Ты куда, бородач?
- Я по миру.
- А зачем под полой топор?»

Вот одна Россия. Одна ее веха. Нужно ли убеждать, что всеха эта вытесана ладно, мастерски?

Чтобы говорить о других приметах России, мне бы хотелось, прежде всего, сказать о композиции сборника.

Рядом с «Бунтарями» поэт поставил стихи о дождике, к которому «колобродит», о девчонке, у которой «юбочка уже, чем у модницы Брижит». Стихи, на первый взгляд, безобидные, легкие. Ну что особенного в том, что «девчонка разлюбила, разлюбила навсегда?!» Только и всего, что «тихо всхлипнет, засыпая, и печаль скатилась вся, будто капля дождевая с белокрылого гуся...»

Но за этой кажущейся легкостью — взгляд поэта на нынешний день, его тревога и боль. Соседство двух таких противоположных по духу и содержанию стихотворений еще ярче подчеркивает и качество. И мне думается, что поэт не случайно противопоставляет разные факты из биографии Родины. Именно путем противопоставления можно «создать образ России во всей его глубине и полноте.

Но от замысла до воплощения путь долгий и нелегкий. Вдобавок, показать Россию во весь ее рост — задача больше чем сложная. Необходимо не только ясное понимание исторических явлений, процессов, не только свой особый угол зрения — необходимо чувство гражданской ответственности. Другими словами «Россия» потребовала от Мерззликина не красного словца, не умелого вязанья стихотворных кружев, а стихов, наполненных большим поэтическим содержанием.

Решение такой, или примерно такой, задачи требовало от Мерззликина новых для него тем.

Но уже при первом знакомстве со сборником приходится убедиться, что поэт с задачей справился далеко не полностью.

Если в стихах о прошлом Родины поэту помогает общеизвестный историзм, стилизованный под старину язык, то в стихах о сегодняшнем дне, о сегодняшних веках и приметах Родины поэт зачастую до обидного скуден и неинтересен, ибо он чаще всего поэтизирует личное и незначительное собственной биографии. Вот почему все эти «Галька», «Боярка», «Пастух», «Блудный сын» и некоторые другие стихи вызывают поначалу недоумение, а потом и раздражение.

Поэтическое мелкотемье — коварная штука. Оно может улыбаться, сверкать семицветной радугой, но не заставит задуматься, не согреет души.

Мерззликин не избежал мелкотемья. Как и в «Купаве», он погнался за красивой внешностью, забывая, что, не умения играть словом требует

время, не аллитерации, вроде «широкий ветер по-за углам, симфоний вечер по проводам», делают погоду в поэзии, а боль слов, их точность, глубина, работа на мысль, в конце концов.

Не вполне справился Мерзликин и с замыслом путем противопоставления создать образ России. Наряду с такими отличными стихами, как «На Венском кладбище», «Ворон», «Идол», «Я иду по городу и пою...», стоят необязательные «В стороне от железных дорог», «Седой валун», «Тропинки лапы», и что совсем уж обидно — четверостишья: «Одному драматургу», «Маститому», «Я не Овидий, не Руссо»... Об этом можно было бы не говорить — не занимай подобные стихи довольно-таки немалую площадь в сборнике.

Сейчас Л. Мерзликин готовит новую книгу стихов. Третья по счету, она должна подытожить десятилетнюю работу поэта в литературе. Хотелось бы, чтобы поэт бережнее и серьезнее относился к своему таланту, не забывал, что новую книгу ждет не только он, но и полюбивший его читатель, и что читатель вправе требовать стихов не только поэтически оригинальных, но и наполненных настоящей гражданской ответственностью, бьющих точно по цели.

БЕДАРЬ

Ссутулясь, ты стоял у рампы.
А в зале шум и свист не гас.
Ты сделать яростным старался
Взгляд беззащитных добрых глаз.
И весь ты был — усталость, годы,
Растраченный на сцене век...
И покатилося каплей горе
Из-под наклеенных бровей.
Ты все стоял на сцене, бедный,
Не зная — продолжать? Уйти?
И надрывался:

— Бездарь! Бездарь! —
Мальчишка с ликом трагивести.
Мальчишки! Мальчишки!! Балбесы,
Жизнь надкусившие едва!
Не бедарь он, он просто бедарь,
Недосягаемый для вас.
...И мне мечталось, чтобы каждый
Благополучнейший буян,
Чтоб стать добрее,
Хоть однажды
Под свист на сцене постоял.

ЧЕХОВ В ЯЛТЕ

Толпа. Наряды. Ордена. Петлицы.

Начало дня. Пустейшие дела.

(Когда-то здесь вот

женщина со шпигем

По набережной Ялтинской прошла).

Так важны все. И шум молвы проворен.

И все тщеславны. Ну-ка помяни,

Что так мелки они в сравнении с морем,

К которому приехали они.

И зябко так, как зябко было древним,

И капли на акациях висят.

А под Москвой, в заброшенной деревне,

Вишневый сад. Молочно-белый сад.

Там боль и ширь — они его взрастили,

Там дуб с березкой — тесно, к стану стан.

Ведь это только капельки России

Привозит из России Левитан.

Да, думалось, так. Но тогда почему же

Совсем как река, отражает деревья,

Закаты, восходы, дымы над деревней.

Пусть, что-то не так проломив, искажает,

Но все ж отражает. Все-все отражает.

Я думал о реках и думал о лужах.

Как, в сущности, мало

мы знаем о людях...

И горсть ромашек — нервно-нервно
Сжимает тонкая рука.
Цветы — и смерть. И неба просинь.
Не надо, женщина, не жги!
Но даже в болдинскую осень
Бывали грустные дожди.
И вновь древлянин чем-то машет,
И лодка в море, без весла,
Нет, это все-таки Наташа
Морошки мокрой принесла.
Взяла ладонь ладонью узкой —
И вновь глаза не отвести
От знаменитой, петербургской
Холодной красоты.
О, прелесть вен голубоватых
На белой шее, над плечом...
— Нет, ты ни в чем не виновата.
Не упрекай себя ни в чем.

СТАРЫЙ ДОМ

Человек искать уехал лучшего.
Он подумал: «Счастье — дело случая».
Он забил окошки дома досками,
Как обычно, серенькими, плоскими.
И оставил старый дом непроданным
И оставил то, что было родиной.
Старый дом ослеп. Забитый досками,
Не увидел он, как стали взрослыми
Те, послевоенные, курносые
Мальчики и девочки серьезные,
Как комбайны появились первые,
Петухи заголосили нервные,
Перекрыть стараясь звуки радио.
Он не знал: деревню стали радовать
Урожаи ржи и льна богатые.
В этот дом под крышею покатою
Не проникла весть о первом луннике,
Ведь хозяин где-то ищет лучшего,
Полагает, счастье — дело случая.

ПЕРЕВОРОТ

(Поэма)

За бураном,
 За метелью
 На заимке — благодать:
 Нету красных,
 Нету белых,
 Про войну и не слышать.
 Не видать чужого следа,
 Степь суметами бугрит,
 Заметает вьюга снегом
 Глухо крытые дворы.
 Год назад
 Военный вихорь
 До Алтая долетел, —
 Знать, не зря Самохин Тихон
 С сенокоса здесь осел,
 А по селам заваруха,
 Спятил мир с ума совсем:
 Брат на брата,
 Друг на друга,
 И вопрос, как выстрел:
 — С кем?
 Заварилась каша круто.
 Времена меняют цвет.
 Красный цвет —
 Богатым туго,
 Белый —
 Бедным жизни нет.
 Ой, умен, умен Самохин,
 Докумекал что к чему:
 Вместе тем и этим плохо —
 Лучше будет одному.

Моим дедам Луке, Ивану —
 красным партизанам — к славному
 50-летию Советов посвящаю.

И мужик уже полгода
 Здесь безвыездно живет.
 Нипочем ему свобода,
 Нипочем переворот.
 Вся семья здесь:
 Сам,
 Старуха,
 Старший сын сноху привел,
 Сыну меньшему, Петрухе,
 Восемнадцатый пошел.
 Тихон сам себе хозяин,
 Он и царь и комиссар;
 Власть — она хитра любая, —
 В голове сидел бы царь.
 Держит он порядок туго,
 Дом в достатке,
 Сытый скот.
 ...Только вот меньшак

Петруха

По крестьянству не пойдет:
 Больно прост.
 Душа враспашку.
 Хоть работать страх горазд;
 Видно, дай ему поблажку —
 Все задаром пораздаст.

Я сбежал сюда, брательник,
Поживу, хоть рад не рад.
К нам нагрянул в понедельник,
В ночь, карательный отряд.
Всех ревкомовцев в постелях
Похватили, погребели,
Утром вывели, раздели,
Принародно посекали
И у сборни побросали
Безголовые тела,
Для острастки шомполами
Испорили полсела.
Лютовали, будто волки...
Есть и сельский там один —
Командир их, Спирька

Холкин,

Старший лавочников сын.
А меня на той неделе
В волость вызвали как раз, —
И меня б не пожалели,
Порешили бы тотчас.
Дальше ждать
Терпенья нету —
Надо пики в руки брать.
Вот каратели уедут —
Соберу в селе отряд.
Соберутся добровольно,
Мало стало тюх-пантюх,
Многих в это место больно
Клюнул жареный петух.
Вот и ты подумай, Тихон,
Чтоб не быть беде большой,
Чем сидеть гольяном тихим,
Лучше колким стать — ершом.
— Да, дела...
Однако, паря,
Ты насчет гольяна зря:
Зря башкой я не ударю
Ни за вас, ни за царя.
В драке битые бывают, —
Бьют кого, тому больней.
Отойду, и — хата с краю...

Мне, чем дальше, тем видней.
Не возьму я у другого,
Своего другим не дам.
Что свое — то дорогое,
Потому как сделал сам:
Сунешь ноги — в самокатки,
Скрутишь в зубы —

самокрутки.

В самокрутках — самосад;
Вся одежда — самотканка.
Обойдусь без самотранки, —
Мне и так сам черт не брат.
Проживу от всех отдельно,
Были б руки да земля.
Ты Лука — мужик

артельный,

Нам друг друга не понять.
Отступился Лука и плюнул:
— Э, да что тут рассуждать!
Только помни:
Если клюнет —
Прибежишь и ты в отряд.
Повернулся — и к кровати.
А Петруха:
— Дядь, а дядь, —
Свесил голову с полатей,
— Ты возьмешь меня в отряд?
И от стопки недопитой
Тихон мутный взгляд поднял,
За вихор рванул сердито:
— Я те дам отряд, щеня!
Фукнул в лампу раздраженно.
Стал укладываться спать,
— Ишь, подлец!
Сопля вождюю,
А туда же — воевать.
В новолунье смеркла
млечность,
Ветер с юга потянул.
Молодой рогатый месяц
Ковш Медведицы боднул.

Снег посыпал
Легкий, белый,
Круговертью завертел.
Долгим годом шла неделя,
И Лука не утерпел.
Он собрался на ночь глядя,
В кошеву запряг коня.
— Загостился шибко.
Хватит.
Как там дома без меня?..
Даст же бог —
Одни девахи.
На сынов, знать, не судьба.
Натерпелись, поди, страху,
Да и мне здесь страх за баб.
Тихон бросил ладить сбрую.
— Не спеши,
Себя жалей.
Еще влопаешься сдуру:
Неизвестно, что в селе.
Заночуй, а завтра утром
Можно Федора послать.
С ними, брат, плохие шутки —
Не мешает разузнать.
— Так-то так:
Коль в стае волки —
До поры не суйся в лес.
Только зверствовать им долго
Недосуг в одном селе.
Мужики везде прозрели.
Поднимают красный флаг.
Нет, карателям без дела
Не дает сидеть Колчак.
Ну, бывайте.
Я поехал.
...Грузно скригнуло крыльцо,
Конь рванул,
И мокрым снегом
Вьюга плюнула в лицо.
Видит Тихон между делом —
У Петрухи вид не тот:
И покорен он,

Но смелость
Над покорством верх берет.
Вот он встал,
Воды напился.
Хмурь и тень согнал с лица,
И с ковшом остановился,
Встретив острый взгляд отца.
Тот смотрел сквозь душу
прямо
Из-под сросшихся бровей.
Мол, меня ты не обманешь,
Но перечить мне не смей.
— Что, в страд надумал
сновава?
Все Лука тебе надул;
Не смотри, что лоб здоровый й —
Одним разом выбью дурь.
Но Петрухе будто надо
Напроситься на беду:
— Отпусти по воле, тятя,
А не пустишь —
Так уйду.
— Ах, последыш непутевый, й,
На отца работать лень?!
Жиганул по телу новый,
Необтершийся ремень.
— Так ты что схотел,
бездельник ж?
Так ты что, щенок, схотел?
И крутой чересседельник
Над Петрухой засвистел.
Мать глядит с немым
испугомм.
Федор сникнул в уголке.
Побледнел, как смерть,
Петрухуха.
Смял железный ковш в рукеке,
Торкнул в дверь плечом
с разазгона,
Хлестанул ремень вдогон.
...Теплотой навозной сояню
В темноте дышал пригон.

Прямо в сено луговое
Слезы жгучие текут.
Мерин бархатной губою
Ткнулся в мокрую щеку.
Злился Тихон,
Клял житуху,
Напивался пьяным в дым.
Третий день молчал

Петруха,

Как потерянный ходил.
Ночь буранит.
Конь буланный.
Топкий снег.
Глубокий след.
И колотится бердана
На Петрухиной спине.
Врут, что хитрые цыгане
В марте шубы продают:
На день оттепель потянет —
По ночам морозы жмут.
Жгли морозы до апреля,
Стерегла зима снега.
А потом они сгорели,
Заревели по логом.
Обогрело после пасхи.
И за пять погожих дней
Чернозем на рыжих пашнях
Мягким морем зачернел.
Отпахался и Самохин.
Навалил в телегу плуг.
... Чуть вздремнулось по

дороге;

Примерещился петух.
Налетел,
И для начала
Долбанул его в плечо.
Ниже,
Ниже — больно стало,
А потом еще, еще.
Рыжий конник зубы щерил.
Жеребец под ним, что зверь.
Жутко щерил зубы череп

На суконном рукаве.
Полоснула воздух шашка,
Нанося плашмя удар.
Верховой ругнулся смачно.
— Ну и спишь ты, борода!
Глянул Тихон:
Взяться только —
Мозгляка недолго смять.
Волчьей сворой
Из-за колка
Черный вырысил отряд.
Ни одной знакомой рожки.
И какого им рожна?
Но поручик Холкин все же
Вмиг сельчанина узнал,
Поглядел недобро, гадко
И, куражась, подмигнул:
— Навестим-ка мы, ребята,
Партизанскую родню.
Налетели под крылечко,
Будто черная беда.
Из сеней чужим навстречу
Прыгнул серый волкодав.
Трах-бабах!
Свинцом с разгона
Поперхнулся рослый пес...
В тридцать глоток жрали кони
В сев оставленный овес.
Баб испуг гоняет резво
От столов и до печи.
Жрут и пьют головорезы.
— Самогон на стол мечи!
Тихон трезвый,
Злой и гордый,
Глаз не прячет —
Взгляд в упор.
Сапогом на случай Федор
Под скамьей прижал топор.
Грохнул выстрел.
— Ша, ребята!
Что не пьешь, такой-сякой?

Поспеши сынка и брата
Помянуть за упокой:
Этой ночью всех поймаем, —
Холкин хищно свел кулак. —
Полсела перестреляю!
Перевешаю собак!
— Выпью, ваше благородье.
Грешен я перед Лукой:
В каждом роде
Есть отродье.
...Со святыми упокой.
Но не только святым духом
В поминаньи будешь сыт. —
У меня и с медовухой
Трехведерный жбан стоит.
Опуститься в подпол надо
И сюда его поднять
(Тихон там стрихнин
припрятал,
Для волков сготовил яд).
— Захотели, значит, крови? —
Тихон жбан взболтнул
рукой.
Пейте, гады, на здоровье!
Со святыми на покой!
У молодки сердце стынет,
Липнет Холкин,
Точно лист:
— Первый я женюсь — по
чину, —
А потом —
Любой женись!
Зло играет медовуха,
Бьет сивухой по мозгам.
Потихоньку в дальний угол
Сына Тихон отозвал:
— В брагу я подсыпал яду.
Убегай.
Пускай Лука
Прилетит сюда с отрядом,
Не обухались пока.
Жеребец чужой грудастый

С места вихрем поскакал.
Жерди хряснули у прясла.
Кровь разбрызгивал закат.
Тени корчатся и стонут,
В доме темень,
В доме жуть.
Перепуганные кони
Седоков напрасно ждут.
Не качаться в седлах злобе
И не сеять в селлах смерть.
Виснет ночь дырявым гробом, м,
Чернотой зияет степь.
Тихон слез,
Как дуб от бури,
Поперек через порог.
Баб не смог спасти от пули
И себя не уберег...
Умирал Самохин Тихон,
Рана хлюпала в груди.
А Лука с отрядом тихо
Под займку подходил.
Без стрельбы убрали нечисть. ъ.
...Слезы чище,
Чем роса.
Схожи души человечьи:
В брата — брат,
Сыны — в отца.
Тихон строгий и спокойный.
— Эх, не вовремя помру,
Но помру легко, достойно.
Смерть красна,
Коль на миру.
Вы Луку, ребята, чтите,
Ты, Лука,
Отцом им будь.
От людей не отходите —
С ними самый верный путь. .
Пел рассвет легко и трубно. .
Светлый сполох плавил тень. .
Над землей,
Большой и трудной,
Поднимался новый день.

***

Стоят деревья по России,
Гудят стодавные комли.
Скажите мне,

какая сила
Их выбросила из земли?!
Они по-мартовски черны
И по-рабочему кряжисты.
Навек поверишь:

эти жизни

Землей и солнцем рождены.
Земля им дарит высоту...
На перепутье не гадая,
Я к ней,

шершавой,
припадаю
И, словно дерево,
Расту.

***

Хочешь счастья?
Возвращайся!
Дому старому — поклон.
Оглядишь, не обольщайся:
Видишь, сед твой ранний клен.
Видишь, бревна почернели,
Паутину серебря.
Кочаны заоченели
В огороде декабря.
Ты не веришь в запустенье?
Этот царственный покой,
Словно дикое растение,
Оживает под рукой.
Ты снимаешь коромысло
В синих сенях со стены,

Чтоб полнехонькой повисла
Пара ведер жестяных,
На скамье заденешь ковшик,
Тяжко шубу скинешь с плеч.
Что безродней есть и горше,
Чем нетопленная печь?
Ты ольховые полешки
Под крылечком поколи,
Но вначале печь — полегче—
Докрасна не накали,
Потому что даже камень —
Человека не виню —
Очень трудно привыкает
К настоящему огню.

Георгий РЯБЧЕНКО

* * *

Нас четверо
в прадедовском доме
Росло мальчишек
кулакастых,
ловких.
В «сраженьях» частых
с улицей Грачевкой
Мы спуска не давали никому.
Четыре брата — восемь кулаков.
Нас обходили штатные задиры.
Чтоб с нами нарушать
условья мира —
Не находилось
круглых простаков.
Взрослели мы.
Понятия менялись.
И просто драться было не с руки.
Но к поддедам,
к фискалам применялись,
Как мера воспитанья, кулаки.
Нас разлучили
юности надежды
И скорости
над зыбью облаков.
Но к подлости
относимся
как прежде
Четыре брата —
восемь кулаков.

***

Терял друзей.

Приобретал врагов.

Любовь терял.

Приобретал привычку.

И часто душу суррогатом пичкал.

И не лечил ее среди лугов,

Но нес себя, нескладного донельзя,

По жизни недоверью вопреки,

И чувствовал дыхание поэзии,

Как чувствуют дыхание реки.

ОН

Он о горе своем не кричал.

Лишь протез

Поседел.

тревожно стучал

Морщины легли.

По зажившим ранам

земли.

***

Снег по деревьям,
Как будто выжат.
Ртуть по деленьям
Все ниже, ниже.
Дыханье — паром
Морозным, белым.
Куда же парни
Идут так смело?
Смеются, шутят —
Сердись, морозец!

Да разве в шубах
Их заморозить.
Но шубы сбросив —
Аж пар клубами —
Как будто просят
Еще добавить.
Со свистом сосны
Ложатся резко...
На прочь и солнце
Вот так погреться.

***

Металл плавится,
Металл плавится,
Металл плавится под рукой.
Парню нравится,
Очень нравится
Так вот смело
Дружить с дугой.
А дуга эта
Ярким пламенем
Вся трепещется под щитком.

А дуга эта
Очень правильно
Крепким ладным ложится и швом.
Это, кажется,
Солнце крошится,
Рассыпаясь
На сотни звезд.
Это чья-то усталость
Сброшена.
Это чья-то мечта
Живет.

СКОЛЬКО ИХ?..

Сколько их?
Разве бронзы наплавим мы?
Гор гранитных
Не хватает для всех.
Если б каждому павшему
Памятник ставили,
Шар земной бы
Замедлил свой бег.
Не росли бы хлеба—
На полях обелиски,
Не шуметь бы лесам—
Все гранит, и гранит...

Где же осень?
Не падают листья.
И кузнечик в траве не скрипит.
Тяжело. Но в сердцах,
Где и мрамор расколется,
Бронзовитее всех
Обелисков и плит
Наша память,
Как памятник горести,
Сыновей будет
Вечно хранить.

СЕРДЦЕБОЛЬЕ

Мати наша — свет Россия
В сердцеболье власть седая:
Журавли под небом синим,
Плачут ивы над прудами.
Брошу память я на саблю.
Заскрипит булат, ломаясь.
Память встанет, не шатаясь,
Лучше б так на саблю сам я.

Я б тогда не слышал боли —
Журавлиный зов тоскливый,
Как зовет он вдаль с собою
Ту печаль, что прячут ивы.
Как зовет! Но разве крылья
Унесут печаль России
Если живы те, кто к ивам
Ходят спрашивать о сыне...

ПОСЛЕДНИЙ АИЛ

Здесь последний шаман
Позабытого племени
Доживал свои дни,
Кровью злого Эрлика поил...
Он стоит у горы,
Как пришелец из прошлого времени
От дождей и ветров почерневший аил.
Нет дороги к нему,
Не отыщешь намека тропинки.
Видно, множество лет
Здесь ничья не ступала нога.
Сквозь кору прокололись
Зеленые стрелы — травинки
И на кровле аила
Щетинятся, словно рога.
И я вспомнила вдруг
Босоное, дальнее детство
И подобие дома,
Которого нету сейчас.
Вот такой же аил
Мог и мне бы
Достаться в наследство,
Если б выстрел Авроры
Застойный мир не потряс.

***

Я видела шамана. Он работал —
Сметал листву метлою с тротуара.
По улице шли ребятишки в школу,
Прохожие куда-то торопились.
А он махал, махал метлою злобно,
На улицу взирая исподлобья.
И мне казалось: не метла мелькает,
А реденький очесок бороды.
И кружатся не листья — совы перья
Да крылья филина и злой вороны,
Которыми шаманская одежда
Со всех сторон утыкана была.
И не столбы стоят вдоль тротуара,
А люди, столбенеющие в страхе,
При виде пляски старого шамана,
Взывающего к темным духам зла.
И кажется, дрожат в испуге горы,
С вершин своих роняя камни в реки.
И птицы, раскричавшись, улетают
В далекий лес за синий перевал.
...Раздался смех. Я вздрогнула невольно.
По улице шли ребятишки в школу,
Прохожие куда-то торопились,
И мел шаман метлою тротуар.
И солнце в небе, словно желтый бубен,
Потерянный последним из шаманов.
О, нет! Не бубен — это пионерский
Веселый по-мальчишьи барабан.
Он катится над городом, над школой,
Ритмичной дробью оглашая дали,
Зовет в колонну строиться под знамя,
К руке рука в грядущее шагать.

Перевод с алтайского Г. ВОЛОДИНА

Владимир СОКОЛОВ

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Исчезли снеговые латы.
Весна сломала их вражду.
Деревья дружно тянут лапы
навстречу первому дождю.

И я среди волнений прочих
ищу отточенной строки
о том,
как в сердцевине почекек
уже шевелятся листки...

ВЕСЕННЯЯ ЛУНА

Пройдя королевой по дремлющей озими,
луна заглянула на тихое озеро,
и долго стояла она без движения,
в душе

обожая

свое отражение...

и вдоль по деревне — пусть парни изводятся —
пошла недотрогой, как сельская модница...

ПЕРВЫЙ БОЙ

Все было буднично и просто,
И вот опять, в который раз,
Наш батальон, дождем
исхлестан,
Залег в густеющую грязь.
Обняв приклад, я жду ракеты.
Беру спокойно под обрез
Дождем размытые приметы —
Дорогу дальнюю и лес...

Ракета вверх... Рывком
коротким
Перебежать и рухнуть вниз...
Закатом высветившись, сопки
Пожаром алым занялись.
Земля не знала в буйстве лета,
Цветами нежась и жнивьем,
Что трудный бой учебный этот
Был первым боем за нее.

ПОДОРОЖНИК

Некрасивый, вечно запыленный,
Сгорбившийся от ударов ног,
Он, в движенье вечное
влюбленный,
Выбирает место у дорог.
Я и сам его бы не заметил,
И не знал о нем бы ничего,
Если б лужи дождевые эти
Не подняли на небо его.

Байрам СУРКАШЕВ

***

Эта Чуйская степь
Голая.
Эта горная цепь
Гордая.
Эта птица-река
Быстрая:
Камнем все берега
Высланы.

Эти скалы окрест
Синие.
Эти ели-невесты
В инее.
Все родное мое,
Кровное,
Жизни всей становье —
Родина.

***

По насту, озаренному восходом,
Иду к горе.
А наст хрустит стеклянно.
Внизу река под кровом оловянным
Предчувствует начало ледохода.
И я его предчувствую.
В груди
Какое-то неясное томленье.
Скорей бы наступило потепленье,
Чтоб сонь в природе,
В людях разбудить.

Перевод с алтайского Г. ВОЛОДИНАНА

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

Резкой нотой в извечном хоре,
От юнцов до седых мужей —
Страшно умные люди спорят,
Что важнее и что нужней...
Алгоритмы, антропобот,
Парадокс барионных звезд...

А любовь в перелесках бродит,
Обнимая стволы берез.
И смеется, и нет ей горя,
Что не станет мезон нежней...
Страшно умные люди спорят,
Что важнее и что нужней.

***

Я верю, —
это скоро будет:
дробя осколки
прежних дат,
победный гром ракет
разбудит
и ждущих,
и уставших ждать.

И человек,
как в лучшей песне,
земные трогая снега,
пройдет
по городам и весям
со звездной пылью
на ногах.

ОШИБКА

Не стрелял я из тугого лука,
не пускал стрелу за сине море.
Но однажды черная лягушка,
словно мячик, прыгнула под ноги.
И, меня увидев, затаилась,
и к большому лопуху прижалась.
Я смотрел на черную лягушку,
ождая продолженья сказки.
Вот сейчас ударит гром гремучий,
пламя яростно взметнется к небу
и исчезнет...

Преда мной предстанет
юная царица Василиса,
и возьмет меня за праву руку,
и прошепчет нежно: «Мой царевич!
Мы пойдем в волшебные хоромы
и устроим свадьбу-развеселье...»...»
Но лягушка все чего-то медлит и
и сидит.
Я крикнул:
«Василиса!»
Черная лягушка, словно мячик, к,
с перепугу шлепнулась в канаву.

СМОЛОКУР

Кряхтел сосняк, плясали тени,
А у костра, угрюм и хмур,
Лениво вороша поленья,
Сидел и думал смолокур.
Возились мысли, как щенята,
Одна навязчивей другой:
Взмах кистеня — и шапка вмята,
Лишь всхлипы меди под дугой...
Взмах кистеня — и кровь брусничкой.
Алеют гроздья на снегу.
Взмах кистеня и жертва сникла,
А бор стоит и ни гу-гу...
Уже который год проходит,
Как смолокур лишился сна.
Тоска надрывная изводит,
Хотя кругом гудит весна.
Струится зуб из-под папахи.
Вдыхает тяжело смолокур.
Он дал обет пойти в монахи,
Содрать с души десяток шкур.
Он завтра сменит на сутану
Зипун, служивший семерным,
И каждый день молиться станет,
Смирив и плоть, и дух смирив.
Но утопив в библейском блюде
Тот камень, что лежал на нем,
Орудовать молитвой будет,
Как на дороге кистенем.

Коня, ну дайте же коня!
Того, который порезвее.
Пусть он в поля несет меня,
Я думы там свои развею.
Промчусь наездником лихим
По пропыленному проселку.
Забуду, что писал стихи,
Что жизнь еще не знаю толком.
А там, на краешке села,
У терема в одно окошко,

Упруго свесившись с седла,
Я стукну в ставеньку сторожка.
Окно козьяка распахнет,
В платок укутавшись с ознобу, у,
Посмотрит вслед, легко выдохнет,
Не угадав во мне зазнобу.
Но понапрасну я просил.
Не слышен на асфальте цокот.
Я вышел — у ворот такси
Глядит в упор зеленым оком.

Вот и село — моя беда.
Сюда спешил я не однажды.
Здесь в каждом озере вода
Полна невысказанной жаждой.
Иду вдоль улицы, гляжу
И жду: вот-вот попросят к чаю.
Ведь я здесь каждую межу
И все плетни на память знаю.
К тому ж я жил тут много лет.
Вон там, где преет кучахлама,
Избы давно в помине нет,
Лишь сквозь польнь чернеет яма,
Напрасно, ни в одном окне
Не вижу я знакомых жестов.
Обида горькая во мне
Скребет по сердцу ржавой жестью.
Не на сельчан, а на себя,
Что стал чужим в родимом стане,
Что я, над строчками сопя,
Совсем забыл, что я — крестьянин.
На миг забыл — и вот итог,
Меня здесь не считают здешним.
Иду и взгляд держу у ног,
Как непокаявшийся грешник.

СВАДЬБА

Закуролесила деревня.
За свадьбой свадьба — вперехлест.
Жених с невестою в передней
Перед роднею в полный рост.
Им выдает родня рецепты:
Ей, чтоб не каждый год рожать,
Ему, чтоб быть в работе цепким
И дом в порядке содержать.
Невеста, бледная немного,
Косит тайком на жениха.
Свекровка, вспоминая бога,
Сестре: «Кажись, ниче сноха».
Потом визжали девки в пляске,
Гармонь старалась за троих,
И молодые, словно в сказке,
И вроде здесь — и нету их.
Усердно хлопая в ладоши,
Они не знали в этот миг,
Что жизнь уже готовит ношу
Двойную каждому из них.

КОВЫЛИ

Ковыли, седые ковыли...
Да тишь такая, словно на погосте.
Меня сюда раздумья привели
Не в первый раз и не последним гостем.
Ах, ковыли, я шел сюда не так,
Как ходят странники, поникнув головою,
Когда полуистершийся пятак
Им кажется завидною судьбою.
Я шел сюда и долго и смешно,
Как только что родившийся котенок,
Не уяснив, что свято, что грешно,
Не отличая света от потемок.
И вот стою, прикрыв рукой глаза,
Готовый вам без фальши поклониться.
И до зарезу нужная слеза

Никак не может по щеке скатиться.
Не потому, что я обижен, нет,
Что не могу найти с тоскою сладу.
Не знаю, почему за много лет
Мне так сегодня выплакаться надо.

***

Леониду Мерзлякину

Когда-нибудь и я в небытие
Уйду и даже точку не поставлю,
Оставляю имя грешное свое,
А, может быть, и вовсе не оставлю.
Потомки все равно не будут знать,
Как я страдал, любил и был любимым
И мог такое иногда сказать,
Что в горле щекотало, как от дыма.
Но больше слов я жизнь любил. Она
Была ко мне чертовски справедлива:
Спрошу вина — пожалуйста, вина,
Бифштекс с подливом — на тебе с подливом.
Я с ней был очень хорошо знаком,
Спроси — тебе любой об этом скажет.
Так пусть она тем самым пятаком
На веки отягченные мне ляжет.

ЧЕТ-НЕЧЕТ

Чет-нечет,
Нечет-чет...
Речка Серебряночка
Под скалой течет.
Над бойцами — рваные облака,
За спиной — скалистые берега,
Впереди — сомкнувшийся взвод «СС»,
Вдалеке за речкой — синий лес.
«Кто есть комиссары
И жида, —
Офицер торопится, —
Выходи!
Кто сказать желающий!?
Будет жить...»
Васильки колышутся в спелой ржи.
Тишина.
Пожарищ дым окрест...
Офицер решительный сделал жест
Чет-нечет,
Нечет-чет...
Каждого нечетного на прицел,
Это значит, четный уцелел.
Вот еще мгновенье,
Еще, еще,
Вот уже закончился пересчет.
Только что за фокусы,
Что за черт?
Вся шеренга сдвоилась
Вдруг в нечет.
Прогремели выстрелы.
Нечет-чет,

По земле солдатская
Кровь ручьем.
Чет-нечет.
Нечет-чет...
Речка Серебряночка
Под скалой течет.

НАДЕЖДА

В смоленых трюмах
По грудь вода,
Мачты-спички
Летят к чертям.
И только в небо
Глядит радар —
Спасение ищет
Нам.

Седьмые сутки
Швыряет шторм,
Седьмые сутки
Вахта без смен.
С надеждой в небо
Плавучий дом
Тянет руки
Своих антенн.

ОТКУДА Я

Я оттуда, где течет проворно
Каракол — гудящая река,
Где деревья на вершинах горных
На ветвях качают облака.
Я оттуда, где острее дыхание
Синелицких гордых ледников,
Где костров чабанских полыханье
Достает до самых облаков.
Вот он я. Раскосый и скуластый
Встал во весь свой богатырский рост
И кричу:
— Планета, люди, здравствуйте!
Наконец-то встать мне довелось!

ДЕТСТВО

В окно три вершины заснувших видны.
Как плетка, чернеет дорога.
Качает преданья седой старины
Река Каракол у порога.
А я в колыбели. Лучи надо мной
И звезды качаются плавно.
Как будто мою колыбель над страной
Качает волной океанной.
А мама негромкую песню поет,
Что как кочевая дорога.
...О детство! Далекое детство мое,
Всего-то в тебе было много.

Ты — радость открытий.
Ты — горечь потерь.
Ты — трудной дороги начало.
Острее и больнее я понял теперь —
В тебе мне отца не хватало.

ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА

Сердцу заповедные места,
Мне вовек не распрощаться с вами.
Здесь цветы,
на цыпочки привстав,
Задевают солнце головами.
Холмик — юрта средь травы густой
К кедру-старика прижалась боком.
В этой юрте, старой и простой,
Я родился в том году далеком.
Здесь запел.
Но прежде чем запеть,
Плакал долго
и смеялся долго.
И ходил —
еще не по тропе —
По кошме,
как луг рассветный,
волглой.
Сердцу заповедные места,
Все мы с вами, все мы только с вами,
Как цветы, на цыпочки привстав,
Задеваем солнце головами.
Каждый день вас помним, каждый час —
Вы же в детство наше, как оконце,
Е даль годов прошедших.
А без вас
Мы под солнцем не увидим солнца.

Перевод с алтайского Г. ВОЛОДИНА.

Я выбрался из собственного склепа.
У-у-х, что за жуть лежать в такой дыре!
Открыл глаза: Земля в закат одета.
Шумят березы. Август на дворе.
Я вновь дышу,

я снова околдован!
— О жизнь, — воскликнул, — ты меня
прости

За болтовню, что был тобою сломан,
Ругательства, которыми крестил...
Любил поспать и часто был зевакой.
Не мог понять расслабленной душой:
Кто каждый день

за жизнь не ходит
в драку,

Тот и в живых на службе у Косой.
Я ж ей служил и не одну минуту,
Транжирил дни и убивал года,
И вот оно:

еще не жил как будто,
А жизнь ушла, как вешняя вода.
Но этот дар!

Вдыхаю прель лесную,
От неба глаз не в силах отвести.
Я каждую березку поцелую
За две недели своего пути.
Сольюсь душою

с царством звездных прерий,
Медовым ветром вдоволь надышусь,
И пусть умру, но о костлявом звере
Я все равно стихов не напишу.
Пускай со Смертью

дружбу водят черти!
К чему бы я неволить сердце стал?..
Вот и хотел,

и начал же о смерти,
А все равно
о жизни

написал.

***

В травах сонно вскрикивают птицы,
Ветерок порхает осторожно.
...Мне не спится, мне опять не спится —
О себе я думаю тревожно.
Кто я? Что я? Правильно живу ли?
И не пасынок ли у народа?..
Лают псы на темноту в ауле
И со мною говорит природа.
— Так живешь, — шуршит мне чий колючий.
— Так живешь, — кричит в кустах кедровка,—
Только знаешь, парень, было б лучше,
Чтоб в пути не знал ты остановки.
Шел и шел к своей заветной цели,
На одном бы не топтался месте.
...Что-то ели смутно прошумели,
Где-то кочет вскрикнул на нашесте.
Теплота, как чай, плеснулась в душу
И утихла мыслей толкотня.
Дорогие, милые, я слушаю,
Поругайте посильней меня!

УХОДИТ НОЧЬ

Заря стекла в разложины с горы.
Сошла роса.
И утренняя поволочь коры
Слепит глаза.
Уходит ночь, как прошлое ушло
С земли моей.

И солнце улыбается светло
Сейчас над ней.
Я излечен теперь от слепоты.
Былое — прочь.
У всех теперь сбываются мечты.
...Уходит ночь.

РЯБИНА

Краса-рябина входит в осень,
листву бросая лету вслед —
и бережет лишь ягод гроздья,
их соком напоил рассвет.
Пойдут снега — зима все злее.
Хрустит мороз. Грозит мороз...
Не страшно!

Ягоды алеют,
под солнцем светятся насквозь.
В далекий путь идти ей смело
сквозь ветер и ночную тьму, у,
шагать ей босиком по снегу
к весне, к цветенью своему.

Перевод с немецкого Ю. ГРУНИНОЙ

В ТАЙГЕ

Еще 6 январь...
Еще туда-сюда,
Когда бредешь в сугробах,
Без дороги,
Когда в чащобе
Вскинется беда
Могучим рыком
Прямо из берлоги,
Когда ружья
Упругий спуск нажав,
Вдруг обомлешь:
Выстрел не рассчитан,
Когда поймешь,
Что узкий серп ножа —
Твоя опора и твоя защита...

Но ведь июль!
Пойми, остановись —
Не допусти предательства
В распадке!
Но выстрел...
Злобно зыкнул пули свист,
Направленной трусливо
Под лопатку.
И рвутся боль
И ярость из груди,
А жизнь еще
Из двух стволов добита...
Ах, до чего ж
Мучительно гудит
Лесная затаенная обида!

***

Весна-то
Нынче:
Хмарь
Да сырость.
Вот не везет,
Скажи на милость!
И мы,
Унынья не нарушив,
Плтемся,
Постные лицом...
Он сам себя
Зовет Андрюшей,

А я зовусь
Его отцом.
Да что ж ты,
Милый,
Недотопал...
Ну-ну... Молчу!
Молчу и жду,
Пока
Мой спутник-недотепа
Справляет
Всякую нужду.

— Пошли? Идем...
Он вдруг отпрянул,
В глазах
Восторженная жуть,
И тянет
За руку упрямо:
— Смотри-ка, папка, —
Майский жук!
А каждый знает
Мало-мальски,
Что и тебя
Охватит жуть:
Ведь не какой-нибудь,
А майский
ОН, этот самый
Жулик-жук.
Ах, подожди!..
Ах, осторожно...
Да что же это,
Люд честной?
Неужто чахлый
Подорожник
Разит взаправдашней
Весной?
Ну как с досады
Не усесться,
Не вскинуть
Брови на излом —

И пацану
Признаться с сердцем:
— Тебе с отцом
Не повезло...
Он все ворчит,
Чудак,
Не видя,
Что талым паром
Тянет с крыш,
Что на простор
Небесный выйдя,
В спиралях
Изошелся стриж,
Что горы
Высятся державно,
Слепит
Оранжевым река,
Что над рекою
Дирижабли,
А не скучищи-облака.
Что все б хватал —
Да больше нечем —
И пил бы этот
Хмель лесной...
Садись, сынок,
Скорей на плечи —
Полезем в дебри
За весной!

РУССКАЯ ПЕСНЯ

На народе мужик ли бабу прибьет,
Смолчит, прокричит ли — ниц упадет,
Но пускается прочь песня-жалоба:
«За моря, за леса убежала бы».
Все босиком, все босиком,
Гусиной травкой,
Большаком
И по-девичьи,
И в бабьем обличье
Дрожит над деревнями,
Сквозит меж деревьями,
По-над петлями речек,
Далече, далече...
Полиняет заря с красноты до черна,
Подобьет война хлеба до зерна.
И пускается в путь песня-ратница
Впереди дружин, будто всадница.
Все босиком, все босиком,
Гусиной травкой, большаком,
И по-девичьи, и в бабьем обличье
Звучит над деревнями,
Сквозит меж деревьями
И скорбью и злобой
И всем над гробом.
Как из звездных ковылей упадет роса,
Вороватая ночь украдет леса,
Понесет печаль невесомую
Невесомая песня с дремою.
Все босиком, все босиком,
Гусиной травкой, большаком,

И по-девичьи,
И в бабьем обличе
Несет над деревнями,
Сквозит меж деревьями,
Над очагами, над крышами,
То ниже, то выше...

***

Вот опять работа среди ночи.
То себя, то транспорт свой кляня,
Ношу слов никак не приторочу
К упряжи крылатого коня.
Мой Пегас упрямый и жестокий,
Но ни стати, ни проворства в нем.
А мороки! Столько с ним мороки,
Как с иным породистым конем.
То ли скудость корма, небреженье,
То ли неумелость седока,
Похромает конь пяток сажень
И понурится, втянув бока.
Плюнешь. А Пегас, если захочет —
Тронув землю, разом вознесет.
Такова работа среди ночи,
«Мука!» — скажут. Нет, наоборот.

***

У него от жизни в кабинете,
Где попахивает книжной пылью,
Где годами все стоит на месте,
Странствуют одни лишь только перья
По размеренным полям бумаги,
У него от жизни в кабинете,
Чуть приглушенный и нервный голос,
Мягкая неспешная походка,
Под глазами — серые мешки.
У него полнеющие руки
И мозоль — одна на среднем пальце
С неизменным пятнышком чернильным
(Видно, подтекает авторучка).
А его плечистый собеседник
Продублен буранами-ветрами,
Солнцем жжен, сибирской стужей кован.
И сидит он в этом кабинете,
Как медведь, наверное, сидел бы
В легковушке марки

«Запорожец»..

— Как могли вы, — говорит хозяин, —
Как могли вы, оказавшись рядом,
Не рискнуть пробраться в эти горы.
Ах, писали — не было ответа,
Риск не удалось согласовать.
Что еще? Загрипповал коллектор,
Конь утоп. Весьма крутые беды.
Да, весьма! Но про свою-то немочь
Вы совсем забыли рассказать.
Вы здоровы? Нет, вы нездоровы.
Я могу поставить вам диагноз.

Трусость!..
Стало тихо в кабинете,
Видно, каждый думал о своем.
Гость о том, что этот гусь ученый,
Этот куль, идеями набитый,
Не простит ему до самой смерти.
А хозяин вспоминал, как здесь же
Он, уволенный из института
За беспочвенность и ненаучность
Ныне подтвердившихся гипотез,
Дни и ночи яростно работал,
Обрекая близких на лишение,
И, как кровь свою сдают доноры,
Отдавая книги букинистам.
Я же думал, что совсем напрасно
Бескорыстие и одержимость
Мы считаем атрибутом странствий.
Нет, живут они и в кабинетах,
Где попахивает книжной пылью,
Где годами — все на прежнем месте,
Путешествуют одни лишь перья.
По размеренным полям бумаги.

АВТОБУС

Идет по городу автобус.
В мороз и вью,
В мороз и вью
Идет по городу автобус,
Как будто фронтовой связной.
Идет, спешит своим маршрутом,
Не нов, одышлив, седоват,
И все торопится, как будто
Он перед кем-то виноват.
Уж так ли — нет, а руган на день,
Что кузов у него трещит,
Он вечно здесь, когда не надо,
А надо — так ищи-свищи.
Идет обруганный, продутый,
Средь тишины, средь кутерьмы,

И зря порой кричит кондуктор,
Мол, не резиновые мы.
Не слушая, толкаясь круто,
В него врываются толпой,
И кто-то говорит кому-то,
Что, как автобус, он тупой.
А он идет маршрутом долгим,
На повороте поворчит,
Его перегоняют «Волги»,
Легко обходят «Москвичи».
Идет по улице автобус
И тороплив, да вот не скор.
Идет по улице автобус,
Пока работает мотор.

ЗАБЫВАЕТСЯ ВСЕ

Забывается все,
Женихов позабыли невесты.
Вырастают дома,
Заслоня разрушенный кров.
Забывается все,
И на место сражений известных
Пастухи выгоняют коров.

И самим ветеранам
Нет-нет да покажется странным,
Что они — ветераны,
Что были когда-то в боях...
Забывается все,
Только старые раны
болят.

* * *

Было пламя в полнеба,	Он угас, неоплаканный,
Был огонь языкат,	Где-то в дальнем логоу...
Туча мрачно полнела,	Только искорка бакена
Заглушая закат.	На том берегу.

* * *

О, эти радости причальные	Береговой неверный ветер
Больших и малых пристаней!	Вдруг донесет обрывки слов... .
Глаза, что подсмотрел нечаянно,	Но пристани отходят в память.ъ.
Которых, может, нет ясней.	И за кормою буруны.
И нереален светлый вечер,	И солнце яростное плавит
Бульвары будто лента снов.	Косые блики вдоль волны.

БЕССОННИЦА

Всю ночь шаги стучали	А, может быть, не звали, и,
За голубым стеклом.	У них свои мечты,
Может быть, скучали —	Они о чем-то знали,
Поди спроси о ком.	Чего не знаешь ты.
Всю ночь шаги звучали,	А их следы простыли,
Их песенка проста.	А их в помине нет...
Они куда-то звали —	Всю ночь шаги бродили,
Поди спроси куда.	Потом ушли в рассвет!

БАСНИ

СПОР

Однажды части одного мотора,
Хваля себя, не миновали спора.
— Я всех кручу, — упрямо утверждал,
Разбрызгивая масло, Коленвал.
— Не много ль чести? Обнаглел, хвастун!
Толкаю я! — стучал Шатун.
Вмешался Поршень:
— Кто ж без передышки,
Не обжигаясь, принимает вспышки?
— Вы прежде бы меня о всем спросили,
Чем затевать скандал и пересуд, —
Сказал им Картер. — Среди вас по силе
Мне равных нет, я всех один несу!
— А ты б сдержат давление газа смог?—
Спросил Цилиндр.
И вдруг мотор заглох.
— В чем дело? — взвизгнул Тормоз сгоряча.
Цилиндр ответил:
— Лопнула Свеча!..

Заглох мотор из-за свечи — не диво.
И гайка отвернись — была б беда.
Зависит всюду результат труда
От слаженности коллектива.

СКВЕР

Перед порой озелененья,
Стремясь другим подать пример,
Один начальник управленья
Решил разбить у зданья сквер.
Он первым долгом принял меры,
Чтобы скорей расширить штат.
Нашел прораба, инженера,
Ввел агронома в аппарат,

Полмесяца бригада эта,
Как яблоню, трясла вопрос.
Готовились проект и смета
В дыму толстенных папирос.
Пока же в штате шли дебаты,
Пока проект в верха ходил,
Трудыга-сторож взял лопату
И все деревья посадил.

ПЕТУХ РЫБАКА

На речке, встретившись с Ершом,
Петух спросил:
— Ты кто?
— Я рыба..
У Петьки перья встали дыбом.
Не веря, Петька выгнул шею:
— Чего ты врешь, червяк с горбиной!
Хозяин мой ловил ершей
Длиной в два метра с половиной.

ЛУЖА

Хвалилась Лужа: «Я да я... — Пстой, — всплило Облако, —
Зависеть от дождя? постой!
Натура не моя! Всегда ты отличалась
И без подачек жажды я не знаю. мелкотой,
И кур пою, утят купаю, Ты даже высыхала прошлым летом.
А яркостью Ты лужа...
(не даст соврать свинья) и тебе порой
Нередко Солнце затмеваю. Светить дано
Гордится мною род людской...» лишь отраженным светом...

ДОБРЯК

Он каждый день чему-то уступает Лишь одного Добряк не понимает:
И каждый год бесследно провожает. Не он по жизни,
«Козла» гоняет, осуждает лень жизнь по нем шагает...
И кается несчетно раз за день.

ГУСЬ

И ест, и пьет он доотвала, О дружбе,
Весь день на всех скромности
шипит потом. И что же?
Опух от сна, О крыльях он
оплыл от сала, не помнит тоже..
Забыл о поте трудовом,

В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ

Дверь не прикрывалась плотно — — Косо, — согласился плотник, —
Нажимали так и сяк. Так на то он и косяк.

ЕСТЬ ГДЕ ОТДЫШАТЬСЯ

Нашел он в отпуске заботу, Вздохнул, лишь выйдя на работу:
Сыграл он пульку не одну. — Теперь немного отдохну!

УРОК НЕ ВПРОК

Соседка плохо стала спать,
Глаза слезятся, вид неважный,
Ее, наверное, опять
Продуло у замочной скважины.

УЖ ЕСЛИ ФИЛЬМ...

Уж если фильм родился липовым,
Его не выручишь Филипповым.

НЕ ВЫДЕРЖАЛИ

Медовый полумесяц провели
И разошлись, как в море корабли.

ЗАКОВЫКА

(РАССКАЗ)

Поскольку она сидит на переднем сиденье и в руках у нее малаленькая эмалированная ванночка, все ясно — это молодая мама: ванночка, наверняка, для стирки ползунков и слюнявчиков. А поскольку у обворожительной мамы румянец на щеках, лазурные глаза и превекрасные льняные волосы, она — типичный предмет вдохновения поэта.

Поэтому кадровый поэт журнала «Огни и воды» Антон Заверешенный покидал автобус с сожалением.

Неожиданно у Антона запершило в горле — верный признак начинающегося вдохновения.

«Они, как белые метели» — родилась первая строчка о льняных волосах. Поэт бросился за автобусом, но ноги у него были слабые, и расстояние, разделявшее к этому моменту автобус и Антона, не оставило последнему никаких надежд на успех.

— К черту ванночку! К черту ползунки! — дрожащим шепепотом воскликнул Антон, — главное — образ... «Они, как белые мететелки, меня куда-то понесли»... Это же находка! Волосы Антона взъерошились, на бледных от частых порывов вдохновения щеках заиграли румянец, ноздри расширились. Антон достал из папки трубку и п пачку «Золотого руна».

«Они, как белые метели...» Немедленно в редакцию... «Меня я куда-то понесли...» Немедленно... Остальное в дороге.

Он сел в автобус.

Они, как белые метели,
Меня куда-то понесли.
Метель — основа для капли
И орошения земли...

В редакцию Антон вступил уверенно. С гордым нетерпением он дослушал разговор литконсультанта Степана Продольного с каким-то проклятиком, так Степан именовал неисправимых графоманов, потом извлек из папки трубку, полпачки «Золотого руна» и листок бумаги.

— Вот, Степа, стишок родил, как говорится, ямб, — сказал он и пустил в сторону Степы клуб дыма.

Продольный, съевший зубы на ямбах, дунул в дым и, подождя пока он рассеется, начал читать.

Читая, он шевелил губами, и Антону казалось, что он начинает говорить. За несколько лет знакомства Антон так и не привык к этой манере Продольного шевелить губами во время чтения, так же как и к другой — говорить первыми те фразы, которые следовало бы произносить в конце разговора...

— Но ты не падай духом, Антон, — не изменил своей манере Продольный.

— В чем дело, Степа? — у Антона удивленно поднялся ежик на голове.

— Видишь ты, Антоша, сельская тематика...

— Речь не о том, речь идет о волшебстве женской красоты!

— Волшебство, красота, молодость, дыхание века, — быстро забормотал Продольный, — вот что! Дыхания века у тебя нет, Антоша! И потом, — он немного отдышался, — нету у тебя вкуса к слову, Антоша, ведь стих надо вынашивать, шлифовать. В общем, работай, старик, работай.

«Ах, так! — злобно думал Антон, выходя из редакции, — пожалеешь: завтра я такое тебе принесу — почувствуешь вкус слова»...

Придя домой, Антон переоделся в пижаму, придвинул кресло к столу, включил электрический свет и зажег свечу.

Они, как белые метели...

Вдруг неприятно заняла поясница — он вспомнил Продольного. «Я тебе продемонстрирую вкус к слову, — мстительно подумал он... Они, как белые метели... А почему, собственно, белые? Почему метели? Почему волосы? Что, на них свет клином, что ли? Что, у нее глаз нет? Что ж я раньше думал!

«Ее глаза, как спелая рябина... Кажется, фруктово-ягодным отдает. А нужно ведь дыхание века, — он потер занывшую опять поясницу, — черт с тобой, введем умные машины.

Как кнопки синхрофазотрона,

Ее лучистые глаза...

Кнопки, кнопки... А при чем здесь кнопки? Это ж только кретин может сравнить глаза женщины с кнопками... Лампы! Во!

Как лампы синхрофазотрона,
Ее лучистые глаза...»

Антон отодвинул от себя чашку и варенье — кажется, ему пришло в голову что-то еще.

Как лампы синхрофазотрона,
Ее лучистые глаза.
Зрядом в тысячу кулонов
Я был сражен как... как...
Хи-хи-хи, стрекоза...

— Стрекоза—стрекоза! — Антон нехорошо засмеялся и начал порхать по комнате. Потом он обмяк и сел на пол возле книжного шкафа.

Чтобы успокоиться, он взял из шкафа томик, на обложке которого было вытиснено имя поэта века. «Выдает старик», — подумал Антон (хотя «старик» умер тридцать лет назад) и открыл томик где-то в середине.

Прочитал вслух строфу, смахнул слезу — стихи ему очень понравились.

— Но нельзя так расслабляться, старик, нельзя! — он спрятал томик в шкаф, подошел к столу и поправил фитиль свечи — пламя разгорелось ярче.

«Ведь все так просто, — думал Антон, — я вхожу в автобус, сажусь у окна, замечаю очень молодую и очень красивую женщину, вдохновляюсь. Что же еще надо? Ведь ее облик я прекрасно помню. А, возможно, и она мой... Минуточку, кажется, что-то...

Вы не забыли? Вы, конечно, помните,
Как я сидел у самого окна.
Взволнованно смотрели вы...

«Ой! — Антон дернул себя за ежик, — кажется, я это уже встречал... У-у-у», — он все вспомнил и в бешенстве обрушил кулак на стол. От стола отлетел кусок прессованной березы. Свеча погасла.

— Вы помните? Вы ни черта не помните! — гремел голос поэта в темноте. В течение нескольких минут Антон взволнованно ходил по комнате и что-то резкое бросал погасшей свече. Споткнувшись о стоявший в углу мешок с рукописями, зажег свечу и, дрожа, уселся в кресло.

Они, как лампы фазотрона,
Синхронно светятся в ночи... нет, не то...
Они, как ягоды, весной... а, черт... осенью...
Когда осеннее цветенье
Берет широкий свой разбег... р-р-р...

Неожиданно Антон увидел на потушенном торшере маленького попугайчика. Тот помолчал, посмотрел, не мигая, на поэта и сказал не-

сколько рифмованных фраз по-французски. Антон плохо знал язык Ромена Роллана и потому, чтобы перевести услышанное, решил обратиться к словарю. Он подошел к шкафу, но тут вспомнил, что маленькие попугайчики не говорят — говорят только большие. А потом он вспомнил, что в северных краях вообще не бывает попугаев, ни больших, ни маленьких. Антон брызнул себе на лицо холодного чая, и попугай, не попрощавшись, исчез.

— Кажется, я что-то недоработал. А почему начисто отбросил волосы? Они же льняные... как белые метели... холодные метели... Они, как белые холодные метели...

Назавтра он представил Продольному новый вариант стихотворения. Он начинался так:

Они, как белые холодные метели,
Меня несут к далекой Братской ГЭС —
Туда, где год назад шумели ели,
Откуда нынче отступает лес...

— Но ты не унывай, старик, — была первая фраза Степы Продольного...

«В чем же дело? — думал озадаченный Антон, выходя из редакции, — действительно, не пошел стих, что ли?.. А-а-а, к черту все. Надо спать».

Затяжной порыв вдохновения отнял у Антона много сил, и он решил подъехать до дому на автобусе. Усталый, вошел через переднюю дверь и уселся на место для инвалидов. И никто не придрался к Антону. Это обидело поэта и он стал с неприязнью оглядывать присутствующих. На переднем сиденье он увидел молодую женщину с эмалированной ванночкой. Это была та самая. Но у нее были не льняные, а каштановые волосы. Антон подсел к ней и спросил:

— А где же льняные?

Она вовсе не удивилась вопросу и, озорно блеснув лазурными глазами, ответила:

— Льняных нет, а есть каштановые.

— Как это?

— Вот так. Перекрасила.

— Глупостями занимаешься. А еще молодая мать.

— Ха-ха! Какая я мать, я даже не замужем.

— А ванночка?

— Что — ванночка. В ней я и красила волосы.

Обиженный до глубины души, Антон Завершенный покинул автобус. «Вот оно что, — думал он, — подделка значит. Не настоящее». И тут его осенило. Не настоящее! Вот в чем заковыка, вот почему не идут стихи!

ОСТОРОЖНО, ГРАФОМАНЫ

(Из писем литконсультанту)

Прошу принять меня в члены «Союзпечати» и разных прочих брошюр.

Дорогой литконсультант!

Вы пишете, что мне не стоит тратить много сил на поэзию. Не беспокойтесь, силы у меня есть.

В детстве я упал с окна и разбился. Учиться не мог. Так как не имел образования, то я решил сочинять стихи.

Я читал поэта Андрея Вознесенского и ничего не понял. Если я не понял, а я учитель, имеющий специальное образование, то что же поймут мои ученики?

Почему все время печатают одних поэтов, а других не печатают. Нельзя ли установить очередь.

Вот мои стихи — проверьте, если подходят, у меня еще есть. Я каждый вечер могу писать по восемь штук.

Я направляю вам стихи, а с меня требуете поэзии. Не является ли это бюрократической отпиской? Прилагаю стихи — одна школьная тетрадь.

Прошу мне ответить и с советской чуткостью вышлите гонорар.

Поскольку я вышел теперь на пенсию, имею свободное время, то стал молодым поэтом.

Вы утверждаете, что стихи может писать не каждый, а как же тогда все люди равны?

Мы всей семьей пишем стихи — я, мой муж и обе дочери. Примите наше сочинение.

Я составил стихи, посмотрите, нет ли в них чего вредного.

Вы опять пишете — плохо. А все знакомые хвалят и я буду писать до победного конца.

Я вам послал две переплетенные тетради и вы все назад. А у других по восемь строчек печатаете.

СТИХИ—
ДЕТЯМ

Лев ВАГАНОВ

О СЕРЕЖЕ-ГРУБИЯНЕ

— Чей ты, мальчик?
Дом твой где?
— У тебя на бороте.
— Как зовут?
— Зовут зовуткой.
Он такие любит шутки,
Так со всеми говорит он.
Потому что невоспитан,
Потому что грубиян.
Раз прилег он на диван,
Спал недолго на диване.
Вдруг проснулся в океане.
Теплоходом океанским
Брошен якорь в Грубиянске.
Грубиянск — ужасный город.
Есть там площадь «Мордобой»,
А туда ругаться ходят,
Там дерутся меж собой.
Вместо «здравствуй» грубиянцы
Бьют под ребра кулаком.
Там любого иностранца
Называют дураком.
Как тут быть?
Такую грубость
Нелегко перенести.
Он решил:
— Пожалуй, буду
Хорошо себя вести.
Видит он — народ толпится
У киоска «Газвода».

Хорошо б воды напиться
Газированной со льда.
— Мне, пожалуйста, налейте. —
Подает свой пятачок.
Продавец:
— Простую пей ты,
А на сдачу вот щелчок.
Он в трамвай зашел тихонько,
Как большой, купил билет.
Вдруг:
— Вставай!
— Ссадить ребенка.
Для детей тут места нет!
— Выдрать парня ремешком.
Пусть он топает пешком.
— У меня устали ноги.
Как же я пешком пойду?
— Выходи!
Кондуктор строгий:
— Ну-ка. Прыгай на ходу!
Он заходит осторожно
В магазин.
— Мне купить, скажите, можно
Апельсин?
Продавец, седой мужчина,
Рассердился беспричинно
И ответил на вопрос:
— Кукиш вот тебе под нос!
Сел за стол в читальном зале,
А его за ворот взяли,

Закричали:
— Кто таков?
Надавали тумаков.
Он в порту спросил с опаской:
— Как домой добраться мне?
На скамью его и — краской
Адрес пишут на спине.
Он кричит, зашелся аж:
— Что вы, я же не багаж.
— Мы тебя молчать заставим,
Багажом домой отправим!

Дверь Сережа открывает.
— Здравствуйте! Дома я теперь.
— До свиданья! — отвечают.
И захлопывают дверь.
— Я — Сережа, жил вот тут я,
Лишь уехал на денек.

— Не Сережа ты — Зовутка, —
И выводят за порог.
Тут Сережа оступился
И с восьмого этажа
По ступенькам покатился,
Кувыркаясь и визжа...
Та-ра-рах! Спаситель! Ох!
В доме шум, переполох..
Что случилось?
Утром рано
Грубиян упал с дивана.
Он упал и очень рад,
Что домой попал назад.
Грубияны в Грубиянске,
Если надо, пусть живут.
А Сережа?
Что Сережа?
Жить Сережа хочет тут.

Николай ЛОТКИН

НАМ ПОРА ЗНАКОМИТЬСЯ

— Кто со мною не знаком,
С непоседой-молотком?
Жить без стука не хочу,
Но напрасно не стучу.
Стук! — вогнал в дощечку гвоздь.
Стук! — прибита крепко ось.
Стукнул сорок раз подряд —
Получился самокат!
— Я кисть, притом, малярная,
Работница умелая.
Смотри, как ведра старые
Я новенькими сделаю.

Прошлась по ним туда-сюда —
От рыжих пятен ни следа,
И свежей краской бодро
Заулыбались ведра!
— А я, друзья, иголка.
Я искоркой сную
По ситцу и по шелку —
Обновки людям шью.
Узоры вышиваю,
Чиню пальто ребят,
Со мной одни лентяи
Сдружиться не хотят.
И я ленивых не люблю,
Я их не слушаюсь, колю!

МОРОЗ-ОБМАНЩИК

За окном сегодня стужа.
Вышел я и — хоть бы что!
Шарф, по-моему, не нужен,
Зря застегивал пальто...
Это только с непривычки
Жгучим кажется мороз.

Спрячу руки в рукавички
И прикрою шарфом нос...
Что морозу нужно, злюке?
Он в пальто залез теперь!
Ой, не слушаются руки,
Ой, скорей откройте дверь!

ЛЫЖИ

— Ну-ка, лыжи, встаньте рядом,
Будто пара коников.
Лыжам ссориться не надо,
Поезжайте ровненько.
Лыжи словно и не слышат,
Ссора продолжается,

Только встану я на лыжи,
Снова разъезжаются!
Солнце ниже, ниже, ниже
Катится оладышком.
Испугались ночи лыжи,
Побежали рядышком!

СОДЕРЖАНИЕ

Аржан АДАРОВ. Алтайский эскадрон. Чабаны	3
Ольга АКИНЬШИНА. «Я уеду, уеду...»	5
Владимир БАРДЮКОВ. Похоронка. Спецовки. Иду в стихи. Мост	6
Владимир БАШУНОВ. «Еду, еду, а следу нету...» Колыбельная «Снова я на тех тропинках»	7
Анатолий БЕНДЕРУК. Высота	9
Валентина БОГОВИЗ. Ветка. Мой автокран	10
Фридрих БОЛЬГЕР. Дятел. Снег. Пряжа вечности. Жаворонок	11
Станислав ВТОРУШИН. Голубизна. «Ну и что же, что дождь и слякоть...» . «Снега, снега...». «Я валюсь на кровать от усталости...». «Кому досталась ты?..». «Он усталый сидел на камне...». «Волны бьют неторопливо...»	13
Виктор ДРОБЫШЕВ. Поздний дождь	21
Валерий ВЕРЮТИН. «Дорогие люди—человеки...». Слова	23
Василий ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Ночные вокзалы	26
Геннадий ВОЛОДИН. «Хлопья хрусткого снега виснут...». «В это лето...». «Снег умирал...». «Красный всадник...». «Падение идола...»	28
Юрий ГУСЕВ. «Луны мерцающие блюдца...». Родным. «Когда просыпаются двор- ники...». «Уж так повезло!..»	31
Владимир ДЮКАРЕВ. «И если парашют...». Пилотаж	34
Михаил ДЛУГОВСКОЙ. Солдатская память. «Как две струны тугие...». «Я с дет- ства клеток не люблю...»	35
Геннадий ЖУКОВ. Шипуново. Паводь	37
Владимир КАЗАКОВ. Моя деревня (цикл стихов)	38
Константин КОЗЛОВ. Улетают птицы. Стихи о тебе. «Пахнет дымком...». «Пусть многое забудется	40
Борис КАПУСТИН. Алыча. В Михайловском	43
Лазарь КОКЫШЕВ. «Окно отеля открываю настезь...». «Снятся отцы...». «Вечер черный, сырой, как яма...». Вечерняя звезда	45
Георгий КОНДАКОВ. Артисты едут в Улаган... Томск. Похищение огня. Джун- гарская стрела	48
Галина КОРОСТЫЛЕВА. «Ах, какой ливень!..». «А сколько ты мне рассказывал...»	53
Андреас КРАМЕР. Мечта матери	55
Валерий КРЮЧКОВ. Рассказ топографа. Полынь	56
Александр ЛАШКЕВИЧ. Родина	58

Виктор ЛАШМАНОВ. «Когда не хватило силы машин...». «Думаю о жизни чаще, чище...»	59
Павел МАШТАКОВ. Снегопад. Сказка о калине	61
Иван МЕЛИКОВ. Забока	63
Леонид МЕРЗЛИКИН. Любовь. Синее. Лебеди. Самосожжение. Фараон. «Шумит сосна...». Жене декабриста. «Черпну ладошкой воду из ручья...»	64
Иван ОЛИФЕРОВСКИЙ. Заочники. На подоконнике. Воспоминание. Деревья	72
Геннадий ОСИНКИН. Родина	75
Геннадий ПАНОВ. Изба. «Мне не спалось...» Монолог скотника. «Он умирал, свой век прожив...». «Как листья осенью окрест...»	76
Иван ПАНЧЕНКО. Отец	79
В. КАЗАКОВ. Причины и следствия (статья)	80
Тамара ПРОКОПЕНКО. Бедарь	85
Михаил ПРОКОПЧУК. Комары. «С вечерки я иду...» Зимой	86
Юрий ПРОКОФЬЕВ. Чехов в Ялте. «Я тот мальчишка...». «После дуэли...». «Старый дом...»	87
Анатолий ПРОХОДА. Переворот (поэма)	90
Борис РАППОПОРТ. «Стоят деревья по России...». «Хочешь счастья?..»	96
Георгий РЯБЧЕНКО. «Нас четверо...». «Терял друзей...». Он.	97
Виктор САНАРОВ. «Снег по деревьям...». «Металл плавится...»	99
Иван СЕЛЮКОВ. Сколько их? Сердцеболье	100
Александра САРУЕВА. Последний аил. «Я видела шамана...»	101
Владимир СОКОЛОВ. Первый дождь. Весенняя луна	103
Борис СТУКАЧЕВ. Первый бой. Подорожник	104
Байрам СУРКАШЕВ. «Эта Чуйская степь...». «По насту, озаренному восходом...»	105
Валерий ФЕДИН. Физики и лирики. «Я верю...»	106
Николай ФЕДОСЕЕВ. Ошибка	107
Николай ЧЕРКАСОВ. Смолочур. «Коня, ну дайте же коня...». «Вот и село — моя беда...». Свадьба. Ковыли. «Когда-нибудь и я в небытие...»	108
Юрий ШАДРИН. Чет-нечет. Надежда	112
Шатра ШАТИНОВ. Откуда я. Детство. Заповедные места	114
Виталий ШЕВЧЕНКО. Метеор. Сон	116
Иван ШИНЖИН. «В травах сонно вскрикивают птицы...». Уходит ночь	118
Вольдемар ШПААР. Рябина	119
Александр ЭДОКОВ. В тайге. «Весна-то нынче...»	120
Галина ЮДАЕВА. Русская песня. «Вот опять работа среди ночи...»	122
Марк ЮДАЛЕВИЧ. «У него от жизни в кабинете...». Автобус. Забывается все...	124
Станислав ЯНЕНКО. «Было пламя в полнеба...». «О, эти радости причальные...». Бессонница	127

САТИРА И ЮМОР

Борис СКОВОРОДНИКОВ. Спор. Сквер. Петух рыбака (басни)	128
САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ	
Виталий ШЕВЧЕНКО. Луза. Добряк. Гусь. Змея	130

Валентин КРИВОЛАПОВ. Дурной пример. Совет поэту. После сушки. Когда в глазах двоится. В буквальном смысле. Есть где отдышаться. Урок не впрок. Уж если фильм... Не выдержали!	131
Лев СТРИЖКИН. Заковыка (рассказ). Осторожно, графоманы	133

СТИХИ — ДЕТЯМ

Лев ВАГАНОВ. О Серее-грубияне	139
Николай ЛОТКИН. Нам пора знакомиться. Мороз-обманщик. Лыжи	140

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Баздырев, Н. Дворцов, И. Казанцев, Л. Квин, И. Пантюхов, В. Сидоров,
М. Юдалевич (редактор).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

пр. Ленина, 76, комната № 49. Телефон 94—6—97.

Художественный редактор **В. Раменский**
На вклейках цветные фотографии **Н. Калинина**
в горах Алтая
Технический редактор **М. Сафонова**
Корректоры **Г. Чепуштанова, Л. Печенева**

Сдано в набор 16. II. 1967 г. Подписано к печати 4. IV. 1967 г. Тираж 5000. Формат 72×84/16.
Усл. п. л. 10,08+2 вкл. Уч.-изд. л. 8,34. Заказ № 405. Типография № 1 Управления по печати.
Барнаул, Л. Толстого, 29. Цена 40 коп.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

